

МОНЕТЫ РОССИИ

XVIII — начала XX века

МОНЕТЫ РОССИИ
XVIII — начала XX века

Сборник воспоминаний и статей

К 100-летию В. В. Узденикова

Москва
2019

УДК 336.746; 737.1; 929.652
ББК 63.2; 63.3(2)5
М77

Ответственный редактор А. В. Храменков

М77 Монеты России XVIII — начала XX века: Сборник воспоминаний и статей: К 100-летию В. В. Узденикова. — М.: Леопарт, 2019. — 950 с.: ил.

ISBN 978–5–9902200–9–6

Сборник подготовлен к 100-летию выдающегося ученого, специалиста в области русской нумизматики Василия Васильевича Узденикова (1919–2008). В книгу вошли материалы к биобиблиографии ученого, воспоминания о нем, статьи по монетному производству и денежному обращению России XVIII — начала XX века. Книга содержит публикации различных письменных и вещественных источников: монет и медалей, архивных документов, штемпельного инструмента, редких печатных изданий.

Сборник рассчитан на музейных работников, историков-нумизматов, коллекционеров, краеведов и всех читателей, интересующихся русской нумизматикой.

УДК 336.746; 737.1; 929.652
ББК 63.2; 63.3(2)5

На обложке: Плакета к 100-летию со дня рождения В. В. Узденикова. Санкт-Петербургский монетный двор. Автор А. В. Бакланов (2019 г.)

На фронтисписе: фотографический портрет В. В. Узденикова работы В. В. Зайцева (2004 г.)

© Коллектив авторов, 2019

© А. В. Храменков, составление, предисловие, 2019

ISBN 978–5–9902200–9–6

И. И. Синчук

**Роман Карела Ванека
«Приключения бравого солдата Швейка
в русском плену»
и денежное обращение Российской империи
в годы Первой мировой войны**

*Пусть было, как было, — ведь как-нибудь да было!
Никогда так не было, чтобы никак не было.
Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка*

*Звонкая монета усиленно чеканится. Особое внимание
обращено на выпуск «разменных» металлических
денег. Тысячи пудов их переходят с монетного двора
в руки населения. Переходят — и исчезают.
М. Богданович. Нумизматы*

I

1. История создания произведения

Произведение чешского писателя Карела Ванека «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену» («*Osudy dobrého vojáka Švejka v ruském zajetí*», 1923) продолжает широко известный роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» («*Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*»). Роман-продолжение (сиквел) написан на основании личного жизненного опыта автора, который был в плену в России во время Первой мировой войны.

«*Osudy*» в названии, скорее, следовало бы перевести дословно как «Судьба» или добрым старым оборотом «Жизнь и приключения», но так получилось, что русскоязычные читатели знают романы Я. Гашека и К. Ванека под названием с несколько авантюрным акцентом — «Приключения» или «Похождения» Швейка.

Первоначальное название романа Ярослава Гашека, под которым выходили первые выпуски в 1921 году, издававшегося главами, было «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой и гражданской войн, как здесь, так и в России» («*Osudy dobrého vojáka Švejka za světové i občanské války zde i v Rusku*»). Собственно, Карел Ванек продолжил роман в русле первоначального замысла Ярослава Гашека (1883–1923), который не успел

Рис. 1. Карел Ванек (1887–1933). Памятники Йозефу Швейку в Саноке и Перемышле (Польша)

завершить свой авангардный антимилитаристский роман-пародию. Более того, во время пребывания автора в России в 1917 году в Киеве вышла отдельным изданием на чешском языке небольшая повесть Ярослава Гашека «Бравый солдат Швейк в плену» («Dobrý voják Švejk v zajetí»), позже ставшая основой сатирического романа с главным героем санчопансовского типа, созданного автором еще в 1912 году в сборнике рассказов Гашека «Бравый солдат Швейк и другие удивительные истории». Однако сдача в плен является одновременно и концом повести — название лишь свидетельствует о намерении описать пребывание Швейка в русском плену.

Написанное Карелом Ванеком продолжение романа «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену» в Чехословакии неоднократно издавалось в 1924–1949 годах в виде пятой и шестой частей «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны»¹, с 1928 книга выходит на русском языке (на рисунке 2 представлены обложки пражского, рижского и московского изданий романа²).

В предисловии к русскому изданию Карела Ванека 1993 года (в переводе с чешского М. Скачкова для издания 1928 года) очень точно сказано: «Книга Карла Ванека дает возможность посмотреть на Россию тех лет, на события в мире с неожиданной точки зрения — глазами австрийского военнопленного».

На территории Российской империи в 1915–1917 годах в лагерях при местных воинских частях, «местах постоянного водворения», на местах производств и в лечебных учреждениях находились от 1,9 до 2,4 млн военнопленных (оценки приблизительные) — солдат и офицеров Австро-Венгрии, Германии и Турции³. Зарубежные исследователи оперируют точными цифрами: «По официальным данным немецких и австро-венгерских справочных бюро о военнопленных, в течение Первой мировой войны в русский плен попали 2 111 146 австро-венгерских, 158 104 немецких и 51 000 турецких и болгарских солдат»⁴. Большая часть пленных — 1 813 458 человек по состоянию на 1 сентября 1917 года — были военнослужащими Австро-Венгерской армии, что составляло $\frac{3}{4}$ от средней численности состава действующей армии Австро-Венгрии⁵, из них чехов и словаков — около 200–250 тыс. человек⁶. Показательно, что из привлеченных к работам в Минске в 1916–1917 годах 99% были подданными Австро-Венгрии и лишь 1% — Герма-

Рис. 2. Пражское, рижское и московское издания романа Карела Ванека «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену»

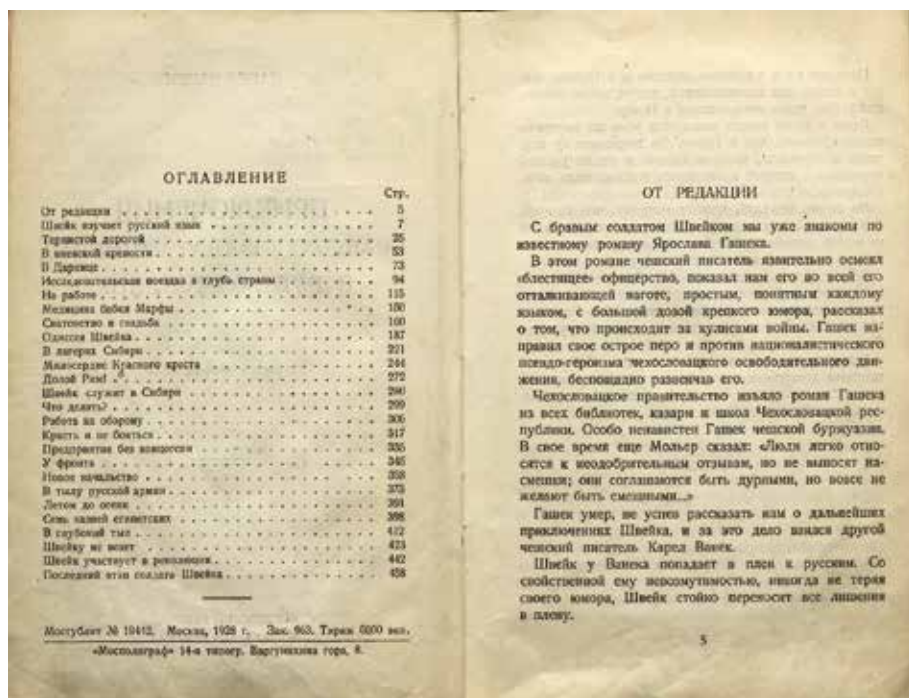

Рис. 3. Страницы московского издания романа Карела Ванека «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену»

нии, при отношении пленных этих стран 9:1, в чем проявилось покровительство российских властей пленным славянских национальностей⁷.

Описанные Карелом Ванеком приключения его литературного героя трикстера Швейка представляют индивидуальный и групповой беллетризованный опыт военного плена Первой мировой войны, сложившегося на основе реальных российских переживаний автора, подданного Австро-Венгерской империи.

Бравый солдат Швейк в романе Карела Ванека попадает в плен на Украине, затем оказывается в русской деревне и в лагере для военнопленных в Сибири, в рабочей роте на территории нынешней Беларуси, после окончания войны возвращается в Прагу.

2. Российский плен как явление

Плен Первой мировой войны разительно расходится с нашими представлениями, сформированными на основании сведений о концентрационных лагерях и лагерях смерти фашистской Германии Второй мировой войны.

В отношении военнопленных действовала Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 5 (18) октября 1907 года. По Гагскому положению государства обязаны были предоставить военнопленным право собственности на принадлежащие им личные вещи (статья 4); право на оплачиваемую работу; право на получение части заработка для улучшения своего положения и оставшееся при освобождении за вычетом расходов на содержание (статья 6); право получать такую же пищу, как и войска правительства, взявшего в плен (статья 7); право на письма, переводы, посылки (статья 16). В положении были предусмотрены и обязанности военнопленных, среди которых: не удаляться за границы лагеря (статья 5); выполнять работу сообразно с чинами и способностями (статья 6); подчиняться законам государства, во власти которого они находятся (статья 8).

Действовавшее в Российской империи временное «Положение о военнопленных» от 13 мая 1904 года вскоре после начала «Великой» войны сменило «Положение о военнопленных» от 7 октября 1914 года⁸. «Положение о военнопленных» детализировалось «Правилами о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств» от 7 октября 1914 года, «Правилами о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» от 10 октября 1914 года, «Правилами об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 года, «Правилами об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 года.

В среднем по Российской империи около 60% всех пленных распределялись в аграрный сектор (от 25 до 90% в зависимости от региона), главным образом в мелкие крестьянские хозяйства⁹, причем имели место сезонные колебания в количестве занятых полевыми работами¹⁰. Принимали участие в работах около 85–90% всех военнопленных, исключение составляли толь-

ко офицеры (приблизительно 4%) и больные нижние чины. Исторические исследования обходят молчанием вопрос о чрезмерно большом количестве больных. Ответ прост — чрезмерного количества больных не было. Дело в том, что унтер-офицеры также не привлекались к работам — подобно тому, как и в лагерях противоборствующей стороны¹¹. Постоянный контингент лагерей, не занятый на работах, — это офицеры и унтер-офицеры, больные — переменный контингент. Участия пленных в народно-хозяйственных работах требовал тотальный характер войны с мобилизацией, доходившей в ряде мест к концу войны почти до половины мужского трудоспособного населения призывного возраста¹².

Стоит отметить, что такое же положение сложилось и у противника, в плену которого к концу 1917 года находились 4,2 млн военнопленных¹³. Например, как отмечает российский историк О. С. Нагорная, с середины 1915 года и вплоть до 1922 года в германских лагерях военнопленных продолжалась так называемая «фаза дифференциации», связанная с возникновением принудительного труда и созданием в дополнение к имеющимся лагерям нескольких десятков тысяч рабочих команд. В 1916 году из 1,2 млн русских военнопленных 54% были заняты в сельском хозяйстве и на лесозаготовках, 19% — в промышленности, 17% — на предприятиях оккупированных территорий и прифронтовой зоны; оставшиеся 10% составляли не обязанные работать офицеры, унтер-офицеры и нетрудоспособные солдаты¹⁴.

Исследователь проблемы пленных Первой мировой войны Н. В. Суржикова делает вывод, что «развитие российского плена вполне соответствовало «стандарту», выработанному в так называемых Центральных державах, став уже с весны 1915 года прагматически ориентированным и позволив интегрировать в трудовые процессы порядка 89,5% обездороженных солдат противника, находившихся к 1 января 1918 года на территории военных округов»¹⁵.

По российскому «Положению о военнопленных» каждому пленному полагалось денежное довольствие, размер которого зависел от ранга: в месяц генералам и адмиралам — 125 рублей, старшим офицерам — 75 рублей, младшим офицерам — 50 рублей. С 1915 года выдавалось на руки лишь 50 рублей, а остальная сумма должна была находиться у начальника воинской части, позднее выплата офицерам германской армии сократилась до 25 рублей¹⁶.

По Гаагскому положению пленных нижних чинов были обязаны кормить. Согласно «Ведомостям приварочных окладов на военное время для военнопленных по пунктам Московского военного округа» в Калужской губернии размер кормового довольствия в 1914 году составлял от 6,6 до 8,3 копейки на человека, в Тульской — от 6,5 до 9 копеек¹⁷. Обычно денежные нормы обеспечения едой равнялись половине кормового довольствия нижних чинов российской армии, однако это правило часто нарушалось. Правительство приняло 8 марта 1915 года дополнение к «Положению о военнопленных», которое предоставляло возможность работодателю выплачивать военно-

пленным денежные оклады¹⁸. Немедленно обнаружилась интересная закономерность, которая предопределила дальнейшую эволюцию форм оплаты труда военнопленных: «Там, где работа была отдана сдельно, военнопленные проявили высокую работоспособность и получили заработок почти вдвое выше наших рабочих. Но там, где труд военнопленных применялся поденно, он оказался крайне непродуктивным» (газета «Зауральский край» от 21 мая 1915 года)¹⁹. Например, на строительстве Мурманской железной дороги (1915—1916) военнопленный получал в среднем 50—60 копеек в день, при сдельной работе — от 1,5 до 2,5 рубля²⁰.

Пленным солдатам не возбранялось улучшать условия своего довольствия за свой счет. Нижние чины могли рассчитывать лишь на заработки во время откомандирования на работы.

Плата в большинстве уездов Калужской и Тульской губерний в 1915 году была фиксированной и составляла 6 рублей в месяц (20 копеек в день), в июле — августе она могла доходить до 15 рублей в месяц (50 копеек в день) вследствие сезонных колебаний оплаты²¹.

В Енисейской губернии порядок оплаты труда военнопленных менялся следующим образом. В начале 1915 года пленным в качестве поощрения за хорошую работу выдавали до 20 копеек в день, но постоянной заработной платы они не имели. В мае 1915 года была установлена оплата труда пленным в размере 50% от оплаты местным рабочим за такие же виды работ (на руки военнопленный по-прежнему получал деньги из расчета 20 копеек в день): из заработанного вычитали сумму, требуемую для содержания пленным, остальное обращали в доход казны. В 1916 году условия оплаты труда опять изменились: оплата труда составляла по-прежнему половину от оплаты местным рабочим, $\frac{1}{3}$ полагалась к выдаче на руки (после предусмотренных долевых удержаний). С конца 1916 года были введены счета, на которые военнопленному перечислялась $\frac{1}{3}$ заработной платы с тем, чтобы военнопленные получили накопленную сумму при освобождении²². Военное ведомство также с 1 апреля 1916 года разрешило увеличить выплаты военнопленным из расчета 50 копеек за день.

В Минской губернии в мае 1915 года при планировании использования военнопленных на гидротехнических работах предполагалось суточный заработок военнопленного разделить в следующих пропорциях: 50 копеек выдавать ему на руки, 40 копеек использовать на его содержание, 10 копеек — на организацию работы²³.

Собственно, все модификации инструкций и «Правил» соотносились со статьей 6 главы I отдела I «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» Гаагской конвенции 1907 года, текст которой гласил: «Государство может привлекать военнопленных к работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям. Военнопленным может быть разрешено работать на государственные установления за счет частных лиц или лично от себя. Работы, произво-

димые для государства, оплачиваются по расчету цен, существующему для чинов местной армии, за исполнение тех же работ, а если такового расчета нет, то по ценам, соответственным произведенным работам. Если работы производятся на государственные установления или за счет частных лиц, то условия их определяются по соглашению с военной властью. Заработок пленным назначается на улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию».

Военнопленные предпочитали сельскохозяйственные работы с хорошей пищей и некоторыми дополнительными деньгами. В лагерях они массово занимались различными мелкими промыслами — изготовлением и продажей литых свинцовых, бронзовых и алюминиевых крестиков, колечек, выполнением разовых поручений и т.д.

Более того, один из бывших чешских пленный рассказал в середине 1950-х годов об изготовлении в течение полугода чешскими военнопленными литых подделок российской рублевой монеты из алюминиево-свинцового сплава удельного веса серебра 900-й пробы в одном из лагерей Саратовской губернии²⁴. Судя по всему, военнопленными была проведена научно-техническая разработка уровня изобретения. Получение композитного материала из несмешиваемых в расплаве металлов является известной технической проблемой и решается ныне инновационными способами: либо насыщением пористого алюминия расплавленным свинцом, либо прессованием гранул, полученных распылением на воду смеси перегретых расплавов. Технология, позволяющая получать нечто подобное «чешскому» материалу, была предложена через восемь десятилетий — в 1997 году был заявлен патент на получение алюминиево-свинцовых слитков кристаллизацией в форме без расслоения, но с варьирующим количеством свинцовой фазы и ее размеров по сечению слитка²⁵.

Режим надзора за пленными в Российской империи, как в лагерях, так и на месте работ, по свидетельству многочисленных документов, был совершенно необременительным и толерантным, за исключением разве что прифронтовой зоны. Прежде всего получили послабления представители славянских народов Австро-Венгрии.

Уже в 1915 году астраханский губернатор И. Н. Соколовский, сам побывавший во второй половине 1914-го — начале 1915 года в германском плену, указывал: «Замечено мною, что на улицах города попадаются одинокие военнопленные чины без всякого присмотра, люди эти оказались рабочими. Объявляю всем лицам и учреждениям, если пленные будут пользоваться для работы без соответствующего окарауливания, то пленных будут у них отбирать»²⁶.

Безусловно, достоверным описанием условий содержания военнопленных в Российской империи следует считать строки из датированного сентябрем 1916 года циркуляра командующего войсками Московского военного округа (губернии Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Калужская,

Тульская, Рязанская и Тамбовская) генерала от артиллерии И. И. Мрозовского губернаторам округа, в котором он писал: «Поражает открытое разгуливание в городах и селах одиночных военнопленных, командированных в распоряжение земских управ и розданных этими последними по обывателям. Военнопленные состоят в городах и селах приказчиками в магазинах, ямщиками на земской почте, имеют в своем распоряжении лошадей, исполняют обязанности поваров, готовя пищу для наших раненых нижних чинов, работают в качестве садовников у частных лиц и т.п. [...] Военнопленные [...] как только попадают на сельскохозяйственные и другого рода работы, получают и полную свободу действий, и возможность бесконтрольно распоряжаться заработанными деньгами, а также жить без всякого надзора [...] пользуются большей свободой, чем наши нижние чины»²⁷.

Ему эмоционально вторит фрейлина О. С. Раевская, гостившая летом 1916 года в имении своей сестры в Рязанском уезде: «Пленные, несмотря на распоряжение, имеющееся по этому поводу, не только свободно и без провожатых выходят из крестьянских и господских усадеб, но и даже без разрешения и вопреки запрещению хозяев самовольно уходят гулять даже в рабочие дни, ходят из деревни друг другу в гости, собираются большими партиями, и гуляют где хотят, и возвращаются домой когда хотят. [...] Пленные, не желая работать в полях, самовольно меняют хозяев, берут частные профессии»²⁸.

Большинство пленных жили в уездах по хозяйствам и деревням. Некоторые имели официальное право свободного передвижения в городе, как один из персонажей романа Карела Ванека: «У Марека в кармане лежало удостоверение о том, что он является младшим доктором в больнице военнопленных и имеет право свободного передвижения в районе Витебска» (1916). После Февральской революции 1917 года надзор за пленными стал еще более либеральным. Созданный в Российской империи институт плена начал разрушаться. Охрана и надзор приобретали все более формальный характер.

В 1917 году после Октябрьского переворота при поддержке большевиков управление в ряде лагерей перешло в руки самих военнопленных, были созданы укомплектованные военнопленными вооруженные отряды из числа так называемых пленных-интернационалистов²⁹. Ни в одной из стран, в которых содержались российские военнопленные, ничего подобного не произошло³⁰.

28 декабря 1917 года Совет народных комиссаров своим распоряжением признал военнопленных свободными, так как он наделял их правами граждан нейтральных государств, таким способом большевикам удалось снять с себя обременительные обязанности по содержанию военнопленных³¹. Исследователи отмечают: «После марта 1918 г. военнопленные официально потеряли свой статус, став людьми с непонятным социальным статусом»³².

Деятельница шведского Красного Креста Э. Брандстрем в своих мемуарах «Среди военнопленных в России и Сибири 1914–1920» отметила:

«В России военнопленные временами пользовались свободой и благосостоянием, которые не могли иметь пленные в других странах»³³.

После экскурса в историю российского плена периода Первой мировой войны и вообще плена этого времени повествование Карела Ванека перестает восприниматься как плод неумной фантазии автора.

3. Время и место действия

Судя по косвенным данным, Швейк попал в плен в начале — конце лета 1915 года (история с некоей коровой, отобранными медалями и казачьим разъездом).

Ярослав Гашек в последнем разделе романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (до плена) упоминает о приказе по армии от 17 апреля 1915 года о дезертирстве двух чешских батальонов в Карпатах. Также упоминается, что Швейк до пленения слышит об объявлении Италией войны Австро-Венгрии 23 мая 1915 года.

В последней части «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны», дописанной Карелом Ванеком, есть уточняющие сведения о времени пленения Швейка.

Упоминается о марше к еще «русскому» Луцку и о более конкретных событиях.

«Оказалось, что русский фронт был прорван германцами где-то много севернее, и потому русская армия снова вынуждена была отойти «по стратегическим соображениям», а не под давлением неприятеля».

«Разъезд 8-го Донского казачьего полка осторожно, шаг за шагом, пробирался вперед. Это был головной разъезд отряда, шедшего на смену измученных частей 3-го Кавказского армейского корпуса».

Место пленения достаточно однозначно называет сам герой в главе «Швейк изучает русский язык»:

«За тот небольшой промежуток времени, пока они шли вместе, Швейк заметил, что его провожатый, с кем бы ни говорил, никогда это «мать!..» не пропускает и не забывает упомянуть в начале или в конце каждой фразы и что солдаты, отвечавшие ему на вопросы, также держались этого правила; из этого Швейк понял, что вопрос идет о каком-то общепринятом выражении, которое свойственно людям хорошо воспитанным и порядочным.

Когда казак передал Швейка в канцелярию штаба дивизии, в дверях показался молодой, высокий офицер, который пытливо посмотрел на пленного и спросил его:

— Ты где попал в плен... мать?

Швейк охотно и без колебаний ответил:

— Осмелюсь доложить, у Брод... мать, господин лейтенант. Почти у самой границы меня забрали, мать!..»

Дислокация III Кавказского корпуса помогает установить время действия.

В 1915 году 18 апреля (1 мая) только что прибывший из-под Хырова III Кавказский корпус резерва Юго-Западного фронта был передан в под-

чинение командующему 3-й армией русской службы генералу от инфантерии Радко-Димитриеву и на следующий день вступил в бой на левом фланге 3-й армии. Судя по донесениям командарма от 26 апреля (6 мая), III Кавказский корпус не устоял и начал отходить на линию Велеполе, Стшижув, Лушач³⁴. До начала июня (середины — по новому стилю) III Кавказский корпус регулярно упоминается в боевых донесениях³⁵.

В 1915 году 8-й Донской казачий полк входил в 8-ю кавалерийскую дивизию 8-го армейского корпуса 8-й армии Юго-Западного фронта.

Известно, что III Кавказский корпус летом 1916 года был резервом Западного фронта и располагался в районе ударной 4-й армии этого же фронта (попытка прорыва немецкого фронта у Барановичей).

Получается, что речь может идти о событии не ранее времени Горлицкого прорыва — успешной наступательной операции германо-австрийских войск во время Первой мировой войны, проведенной 2–15 мая 1915 года и осуществленной силами армий 11-й германской и 4-й австрийской генерал-лейтенанта эрцгерцога Иосифа Фердинанда под общим командованием германского генерала от кавалерии Августа фон Макензена в рамках общего замысла восточной летней кампании 1915 года начальника Генерального штаба Германии генерала пехоты Эриха фон Фалькенгайна. Германо-австрийские войска вынудили русские войска оставить к середине июня Галицию и отойти на рубеж Хелм, Владимир-Вольнский, 20 км западнее Брод, 22 июня был сдан Львов (за русскими войсками осталась только небольшая — до 40 км глубиной — полоса с Бродами).

Также можно говорить, что пленение произошло не позднее августа — сентября 1915 года. Вторая возможность приурочить изменение статуса Швейка к некоему значимому событию — германское наступление лета 1915 года. На Северо-Западном фронте 30 июня (13 июля) — 4 (17) июля в районе Прасныша началось германское наступление, 22 июля (4 августа) была оставлена Варшава, произошло августовское отступление Юго-Западного фронта на линию Луцк — река Стрыпа под давлением переброшенных сюда австрийских 1-й и 4-й армий, ориентированных на продвижение в направлениях на Сарны и Луцк. Эти события вполне соответствуют упомянутым (неуточненным в романе) масштабным отступлениям российских войск с целью избежать окружения под ударами соединений главнокомандующего германскими войсками на Восточном фронте генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, которые были нанесены где-то далеко севернее места действия романа. В сентябре — октябре после упорных боев линия фронта в зоне ответственности Юго-Западного фронта стабилизировалась по рекам Ясельда (левый приток Припяти, на реке расположен город Берёза, в нижнем течении проходит между городами Пинск и Лунинец), Стыр (правый приток Припяти, на ней расположены города Берестечко, Рожище, Луцк) и Стрыпа (левый подольский приток Днестра, на ее берегах расположены города Зборов и Бучач)³⁶.

Впрочем, к сведениям, сообщаемым литературным героем, не следует относиться как к дневниковым, ведь, по словам этого «правнука Кирилла

и Мефодия», русский генерал полагает, что российским дамским орденом Екатерины может быть пожалован офицер-военнослужащий. Кажется, что Карел Ванек специально вставляет в повествование столь отчетливые намеки на условность происходящего в романе.

Прототип Швейка, бывший пражский пекарь Йосиф Швейк, как свидетельствуют архивные данные, перешел на русскую сторону 15 мая 1915 года под Сенявой. Ярослав Гашек стал перебежчиком в сентябре 1915 года.

Суммируя, можно сказать, что наиболее вероятное время пленения литературного героя Карела Ванека — вторая половина августа — первая половина сентября 1915 года.

События плена 1915 года. После пленения под Бродами Швейк попадает в так называемый «сборный пункт театра войны» под Киевом (около 450 км).

Фиксируют передвижения героя редкие упоминания населенных пунктов: «...они в течение трех недель шли от Брод до Киева».

«Я шел пешком босой от границы до самого Киева» (Броды — пограничный австро-венгерский город).

«Этапный начальник Шумска» (Шумск — город районного значения в Тернопольской области Украины).

«Через час они вышли из Киева в поле, миновали мост, прошли вдоль железнодорожного пути и через некоторое время очутились в лагере в Дарнице» (ныне Дарница — железнодорожная станция в Дарницком районе Киева, терминал пригородного сообщения).

События плена 1916 года. Герой работает в крестьянском хозяйстве и проживает с коллегами по плену в русской деревне.

В 1916 году Швейк преодолевает по железной дороге в составе сформировавшейся рабочей роты путь от сибирского Омска до Витебска (более 3300 км), затем около 1000 км пешими маршами по территории нынешней Беларуси.

«Вчера я услышал, что заключен мир и что вы едете домой. Ночью я пришел на вокзал и ожидал вас. [...] Что бы я стал делать в Омске?»

«В 1916 году все пленные, размещенные в сибирских лагерях, были собраны в прифронтовые города, расположенные на Западном фронте».

Путь к месту позиционных работ 208-й рабочей роты лежит через Витебск, Докшицы, Будслав, Вилейку и Молодечно — всего около 300 км.

Рабочую роту перевели в деревню Витуничи (ныне деревня в 20 км к югу от районного центра Докшицы Витебской области, в 180 км к юго-западу от Витебска).

«...сейчас же в Молодечно, где они остановились, выжидая дальнейших распоряжений от штаба, он [командир роты] продал еврею половину лопат и кирок, топоров и мотыг, которые, по его мнению, были излишни. За это он получил восемьсот рублей. Но так как он был поклонником круглых цифр, то прибавил к этому два мешка сахару и ящик чаю, за что евреи ему добавили еще двести рублей».

Рис. 4. Линия Западного фронта на белорусских землях по состоянию на март 1917 года

Как последнее место дислокации роты из австрийских пленных упоминается деревня Почепово, вероятно, нынешняя деревня Почапово (Пинский район, Брестская область, в 15 км к востоку от Пинска, в 300 км к югу от Молодечно).

Описывается также паническое «водное» бегство «соротников» Швейка от наступающих немецких войск из места работ по реке Припять до города Мозыря (около 250 км), с последующим отправлением задержанных беглецов в Гомель (около 150 км). О пребывании в Гомеле свидетельствует ряд фрагментов текста произведения, например:

«Поручик Воробцов, комендант гомельских барачков, в которых были расположены военнопленные» — фраза относится к началу зимы 1916/1917 годов.

«Сегодня я играть не буду. Вчера вы меня обыграли до копейки, да, кроме того, сегодня я не продал ни одного кольца. У меня траур, умер мой император». Действие происходит в гомельских бараках, Франц Иосиф I умер 21 ноября 1916 года по принятому в европейских странах новому стилю.

События плена 1917 года. Исчез со страниц книги Швейк так же, как и появился, — в 1915 году он ушел за отбившейся от стада коровой, в 1917 году растворился в степи. В своем дневнике бывший главный кельнер Горжин записал: «Швейк исчез без вести 26 августа 1917 г.»

В 1916 году на территории Беларуси путь героя Карела Ванека делает дугу длиной приблизительно в 1000 км: Швейк въезжает в северо-восточный город Витебск и оказывается в юго-восточном городе Гомеле.

В заключение стоит привести саркастические строки из письма одного из военнопленных на родину, выявленные цензорами Омского военного округа: «Русские так любезны и гостеприимны: зная, что у нас никогда не будет так много свободного времени и нам никогда не удастся так много путешествовать, они спешат показать нам все уголки России и Сибири, боясь, что мы вернемся домой, не осмотрев всех городов»³⁷.

II

4. Монеты

В ряде специальных исторических работ тиражируется утверждение об исчезновении в Российской империи монет, которые якобы к началу 1916 года были полностью вытеснены из обращения бумажными денежными знаками³⁸. Аксиоматическое утверждение о влиянии некоего изъятия металлических денежных знаков на обесценение денег ныне включено в систему посылов исторических исследований о денежном обращении. Постулирование этого гипотетического утверждения является проекцией народных представлений о твердых деньгах в ученом дискурсе в постструктуралистском его понимании.

В письменных свидетельствах военной поры можно найти подтверждения очевидцев, что в западных российско-украинских городах монет не было уже в начале войны, первых числах августа 1914 года (!): «Здесь ими было заявлено требование доставить к 8-ми часам утра 5-го августа 200 000 рублей звонкой монетой. [...] Между тем в последние дни в Каменце ни золота, ни разменной монеты вообще не было. Доходило до того, что платили за хлеб по трехрублевой бумажке, так как денег никто не менял» (Каменец-Подольский, 1914)³⁹.

Очевидно, что приведенное выше свидетельство очевидца относится к разряду устного народного творчества. Верно лишь то, что в отделение Государственного банка в Каменце-Подольском после указа о прекращении размена на золото не могли прислать так называемое «подкрепление» в виде золотых монет. Установить несоответствие приведенного утверждения легко без обращения к специальным исследованиям, достаточно обращения к литературным и публицистическим произведениям того времени. И названная цена хлеба явно несуразна, и мелкие деньги имеются. Например, в начале 1916 года посылка российскому пленному из 2 фунтов «малороссийского» сала и 8 фунтов сухарей обходилась в 2 рубля 50 копеек⁴⁰, как утверждает листовка Временного Сибирского правительства 1919 года фунт хлеба стоил 1 рубль в сентябре — октябре 1917 года (в действительности — по твердым ценам лишь с августа — сентября 1918 года, причем фунт пшеничного хлеба). А. Н. Толстой в первом военном очерке от февраля 1915 года из цикла «На Кавказ» описывает, как за 1 рубль в поезде продают четырех зайцев, у В. П. Катаева в автобиографическом «Юношеском романе» в Бессарабской губернии в августе 1916 года арбуз стоит три-четыре копейки, в рассказе И. С. Шмелева «На большой дороге» 1915 года крестьянин достает, чтобы рассчитаться в трактире, из кошелька семь копеек, у В. П. Катаева в уже упомянутом произведении едущий из Одессы в начале января 1916 года герой прибывает в Минск с 80 копейками в кармане, из которых 20 копеек отдает в городской парикмахерской. Известен ряд кладов с младшими монетами 1915 и 1916 годов — это озна-

чает определенно, что еще и в 1915-м, и в 1916 годах в обращении участвовали разменные монеты.

Свидетельства точного в деталях Карела Ванека о наличии разменных монет в уже установленный отрезок времени и на установленной территории важны для понимания происходившего (см. Приложение).

Монеты в романе Карела Ванека в явном виде упоминаются в пяти эпизодах:

Эпизод 1: *Шинель*

«К вольноопределяющемуся подошел солдат без винтовки и, вытаскивая из-под него шинель, показал ему на ладони серебряную монету.

— Продай, пан, свою шинель, все равно у тебя ее возьмут, а я полтину заплачу.

Вольноопределяющийся отказался. Солдат придал к монете еще гривенник, вынул из кармана пачку табаку и, продолжая тащить шинель, уговаривал:

— Ну, бери, пан, бери. Вот шесть гривен и махорка. Шинель тебе не нужна, в Сибири тепло».

Эпизод 2. *Швейк в поезде*

«После этого для них наступили славные дни, и Швейк потом долго рассказывал, что с ним произошло в этом пассажирском поезде, что кто ему рассказывал, что дал, и сколько он вагонов обошел. Затем, ударяя себя по карману, он шепнул Мареку на ухо:

— И деньги у меня есть, четыре рубля с половиной. В одном купе первого класса была одна такая девица... А она вышла, дала мне три с половиной...»

«То, что Швейк говорил правду, видно из следующего: в 1917 году я ехал из Москвы через Пензу в пассажирском вагоне. Во мне узнали иностранца, спросили, не из пленных ли я; многие хвалили австрийцев и особенно одного, что год тому назад обходил вагоны пассажирских поездов и экспрессов, утверждая, что его поезд ушел, а он остался; он рассказывал, что чехи любят царя, что они помогут России выиграть войну, чтобы победа над Германией была полная, что он из Праги, что Кирилл и Мефодий были его прадедушками и что он человек православный».

«У Воронежа три года тому назад [в 1916 году] ехал со мною также один австрийский солдат, это был удивительный человек... Я ему тогда помогла, дала два рубля. Нам всегда было жалко немцев и австрийцев».

Эпизод 3: *Швейк на базаре*

«Швейка, набравшего полный карман медных монет, — по одной, две и три копейки, и немного серебряных — десяти- и двадцатикопеечного достоинства и даже несколько полтинников, из города к поезду привел патруль. Сопровождаемый солдатами, он пришел сияющий, удовлетворенный, держа в одной руке жареного гуся, а в другой — вареную курицу, и издали улыбался Мареку, который снова беспокоился за Швейка, полагая, что с ним случилось несчастье.

— Гм, да тут неплохо, я был на площади, а там как раз ярмарка, по-ихнему — базар, и вот это все я там накопил. Гусь — полтинник, кури-

Рис. 5а. Медные монеты Российской империи времен Николая II

Рис. 5б. Серебряные монеты Российской империи времен Николая II

Рис. 6. Золотые монеты Российской империи времен Николая II

ца — пятнадцать копеек. Ползайца — десять копеек, это у меня под шапкой. В мешке у меня чай, махорка, за тридцать пять копеек купил новый чайник. Россия хорошая.

И, кланяясь приведшим его солдатам, он подал им руку и поблагодарил: — Спасибо, хорошо, дошли благополучно. Вот вам, молодцы, на дорогу. Он дал каждому по паре папирос...»

Стоит отметить, что цены называются низкие, но вполне реальные для зимы 1915/1916 годов.

Эпизод 4: *Швейк на крещении*

«Сзади в толпе плакал brave солдат Швейк и, принимая от людей трех- и пятикопеечные монеты, булки и семечки, уверял всех, что для солдата не может быть ничего лучшего, как только погибнуть на позициях. А потом, почувствовав, что у него мерзнут ноги, он убежал домой».

Эпизод 5: *Пароход*

«Пароход «Дмитрий», на который они нанялись, грузил арбузы и муку. Они договорились с капитаном, что Горжин и Марек будут работать матросами, а Швейк займет место кочегара, за что они получают кроме харчей по двенадцати рублей в месяц, и что за первый месяц капитан им даст денег вперед, чтобы они могли купить сапоги.

И они снова направились в город, звеня денежками в кармане».

5. Денежные номиналы

Бумажные денежные знаки Российской империи времен Первой мировой войны имели номиналы 1, 2, 3, 10, 15, 20 копеек, 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 500 рублей. Денежные купюры в виде кредитных билетов редко упоминаются на страницах произведения, хотя, судя по некоторым названным суммам, они непременно должны быть на руках у персонажей романа. Из названного купюрного состава встречены только десятирублевка, трехрублевка и рубль, один раз — суррогатные марки.

В Российской империи были в начале XX века в обращении монеты номиналом $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, 1, 2, 3, 5 копеек медью, 5, 10, 15, 20 серебром 500-й пробы, 25, 50 копеек и рубль серебром 900-й пробы, 5, 7 рублей 50 копеек, 10 и 15 рублей золотом.

Золотые монеты на страницах произведения не встречаются.

Следует отметить, что военнопленные нижние чины в Российской империи на законном основании могли иметь при себе не более 10 рублей, что логически следует из текста Стокгольмского протокола от 1 декабря 1915 года в изложении генерал-лейтенанта И. А. Овчинникова: «на каждые 10 дней пленные могут располагать... нижние чины... в России не более 10 рублей»⁴¹.

Десятирублевка. Как реальный номинал кредитного билета выступает четырежды в трех эпизодах: посещение австрийской графиней лагеря военнопленных⁴², потеря Швейком должности денщика начальника лагеря и обмен Швейка штанами с жандармским офицером.

«Графиня погладила его по волосам, а затем открыла свою сумку и подала ему десятирублевку, которую он моментально спрятал в карман и, не переставая хныкать, полез назад, на нары».

«Барон втиснул в руку Швейка две десятирублевки, подождал, пока он надел ранец на спину, и затем сказал ему:

— Ты солдат. Я надеюсь, что ты зря языком трепать не будешь, а если тебе что-нибудь потребуется, ты знаешь мою канцелярию».

«— Вот вам пятьдесят рублей, возьмите их и отдайте мне свои штаны! [...]

— За то, что у тебя есть дети, я над тобой сжалюсь, — сказал Швейк медленно, протягивая руку за бумажными десятирублевками».

«Десять рублей» выступают четырежды в двух эпизодах как денежная сумма.

«Сегодня я их [штаны] отнесу в барак, а завтра — на базар, — подумал Швейк и принял считать: — Сорок пар по десяти рублей, это будет четыреста рублей».

Пятирублевка. В тексте произведения «пятирублевка» не выявлена. «Пять рублей» встречены дважды как денежные суммы.

«— Вот австрийцев привез, — сказал им Трофим Иванович, соскакивая с воза.

— Рупь чиновнику за них заплатил. Наговорил он мне много, что с ними нам нужно делать. Хорошо их кормить, пять рублей в месяц каждому платить и не пускать их с бабами спать».

«Поп ему и говорит: «Так сразу нельзя, сперва я должен обучить тебя православной религии, ты будешь ходить ко мне на уроки, я беру пять рублей за урок». Еврей — по фамилии Нанхелес — начал ходить учиться».

Трехрублевка. В тексте фигурирует шесть раз, но только в двух эпизодах: посещение австрийской графиней лагеря военнопленных и сцена бритья полковника.

«Наконец старая дама открыла свою сумку, вынула пачку с трехрублевками и, подымая их над головой, крикнула:

— Будьте сдоровы, солдаты! Мы идем дальше к фашиш камрадам. Солдаты, каждому по одной, снайте, что Афстрий фас не сабывать! — Она раздавала рубли правой рукой, подставляя ее одновременно для поцелуя: — На сигареты, солдаты, на хлебы!»

«Швейк приготовил мыло, направил бритву и быстро побрил лицо полковника. Потом офицер полез в карман и вытащил оттуда трехрублевку:

— Два рубля сдачи есть?

— Нет, ваше высокоблагородие, — искал Швейк в карманах, — только один».

Еще три раза упомянуты «три рубля», дважды в качестве номинала кредитного билета (в уже упомянутых эпизодах) и один раз в качестве денежной суммы.

Рис. 7. Денежные купюры Российской империи времен Николая II. Уменьшено

«Взгляд Клагена прямо-таки ласкал Швейка, графиня дала ему еще три рубля».

«...голубчик, ты вчера мне сказал, что у тебя нет ни копейки, а у тебя, оказывается, целых три рубля».

«Предложение Горжина перейти всем в православие в этой суматохе осталось без всякого внимания. А когда он рассказывал о том, как православная рота хорошо живет, питается галушками с капустой и гуляшом и что при крещении каждый получает от крестного отца не менее трех рублей кроме приглашения на чай и блинчики, то на него даже прикрикнули:

— Не заговаривай зубы! Ты видишь, что все заняты, нам не до твоего бога!»

Рублевка. Бумажный рубль в лексике источника вполне узнаваем: «И, протягивая каждому руку, он [инженер] давал по рублевке».

Рубль. Наиболее часто встречаемый денежный термин в произведении — рубль, он отмечен 65 раз, однако как номинал рубль встречается лишь несколько раз.

Уверенно говорить о фигурировании в тексте рублевой монеты или кредитного билета не приходится. Лишь изредка об этом говорят детали: «Через минуту они вернулись обратно и один за другим стали вынимать из карманов грязные, смятые в комок рубли».

Однажды слово «рубль» было использовано в составе устойчивого словосочетания: «Иезус Мария, вот балда, возьмите его за рупь двадцать!» Приведенный пример из разряда выражений типа «рупь двадцать пятак». «Возьми его за рупь двадцать» — выражение удивления чьим-нибудь поведением, поступком.

Полтина. В эпизоде «Шинель» определенно полтина выступает как металлическая монета: «показал ему на ладони серебряную монету». Часто слово используется как фиксированная счетная единица в 50 копеек.

Четвертак. Термин «четвертак» в тексте не встречается. Используется выражение «двадцать пять копеек», по контексту ясно, что речь идет о счетной сумме.

«Шесть тысяч пленных, которым по приказу военного начальства нужно было дать в Шумске обед, хлеба, сахару и чаю или, в случае невозможности это выполнить, выдать по двадцать пять копеек на человека, немало озаботили полковника Лазарева».

Двугривенный. Термин «двугривенный» в тексте не встречается. Используется выражение «двадцать копеек», по контексту не всегда ясно, идет ли речь о монете, но определенно видно в том случае, если речь идет о счетной денежной сумме (цене).

«Старый Головатенко [русский полковник] начал свою деятельность в роте с хорошего. Он приказал роте построиться и произнес замечательную речь: он-де не пошлет их на работу до тех пор, пока инженеры не согласятся платить в день двадцать копеек с человека, согласно закону. А если они не согласятся, пусть работают сами. Во всяком случае он будет бороться за интересы своих детей пленных до последней капли крови».

Пятиалтынный. Термин «пятиалтынный» в тексте не встречается. Используется выражение «пятнадцать копеек», по контексту не ясно, идет ли речь о монете либо о счетной сумме (цене).

«Если мы проедем еще месяц, то нам будут платить за то, чтобы мы ели. Смотрите, ребята, ведь это я купил за пятнадцать копеек! — И он им показал двух огромных зайцев, завернутых в три номера «Русского слова».

Гривенник. Встречен в тексте шесть раз. Скорее используется как обозначение денежной суммы, чем как реальная монета. В эпизоде «Шинель» определенно гривенник выступает как металлическая монета. Иногда используется вместо неупотребляемого термина «двугривенный» в рамках конструкции «несколько гривенников».

«Каждый даст мне по два гривенника, а если будете хотеть все трое, то можно и за полтину».

«С ним нечего говорить, — сказал Швейк в бараче, рассматривая свою рубаху. — Я ее выстираю и получу за нее три гривенника, а за ботинки ты получишь два рубля».

«Обворовывает меня, подлец! Сам покупает за пару гривенников, а мне дает вместо рубля. Ах, жалко, дети, что у меня нет денег!»

Пятак. Под пятаком понимается как реальная монета (например, эпизод «Швейк на крещении»), так и денежная сумма в пять копеек.

«Через час Швейк за пятак достал у одного солдата пакетик с махоркой».

«Что ж, разве вы приехали в Россию на работу? — продолжал он, вылезая из-под лавки. — Десять рублей за лето заработали и остались босыми... А к крестьянам на работу больше не ходите. ...У вас десять рублей, — сказал он торжественно, — а в Сибири, приятели, две копейки — фунт хлеба, за копейку — два яйца, пятак — заяц, за гривенник — метр краковской колбасы, а кипятка и не выпьешь, махорка — четыре копейки! За десять рублей вы проживете зиму, как бароны. Плюньте на их работу, борщ и кашу. Лозунгом каждого приличного пленного зимою должно быть: на отдых, в Сибирь, Сибирь, Сибирь!»

Названные выше цитированным персонажем «сибирские» цены довольно далеки от реальности.

Трехкопеечник. Термин «трехкопеечник» в тексте не встречается. Используется выражение «три копейки» как в значении монеты (например, эпизоды «Швейк на базаре», «Швейк на крещении»), так и в значении счетной суммы.

Двухкопеечник. Термин «двухкопеечник» в тексте не встречается. Используется выражение «две копейки» (например, эпизод «Швейк на базаре») как в значении монеты, так и в значении счетной суммы.

«Так они тащились четыре дня до Будслава (ныне агрогородок в Мядельском районе Минской области Беларуси. — *И. С.*), располагаясь на отдых в селах, набитых солдатами. Шли без обеда, без хлеба, без чая, расходуя по две копейки из денег, сэкономленных в Витебске на ворованных вещах».

Копейка. Всего копейка упоминается 27 раз, причем в виде монеты номиналом в одну копейку выступает очень редко (например, эпизод «Швейк на базаре»), обычно в виде части наименования более крупного номинала (примеры выше), иногда как устойчивое выражение «нет ни копейки» в значении отсутствия денег или «пара копеек» — какое-нибудь небольшое количество денег.

Монета копейка. «Снова остановка на вокзале. Пленные отваживались уже выходить на перрон, где кто-нибудь давал им копейку, булку или кусок сахара и откуда русские солдаты их выгоняли, закатывая им всей ладонью подзатыльники».

«Старикашка, согревавший воду для чая, был так развращен, что тому, кто не давал ему копеечку, он не давал кипятку».

«*Ни копейки*». «Я не повезу в Прагу ни копейки, — решительно сказал Швейк, шаря по своим карманам. — Все, что не проедим в России, пропьем в трактире в Галиче».

«Он [русский полковник] влетел в сарай: — Дети, на работу больше никуда не ходите, вас обворовывают, я этого не позволю. Лежите тут хоть до самого мира, но я не позволю, чтобы вас обворовывали хоть на копейку».

«Хотя он знал, что у вновь прибывших ни у кого нет ни копейки, его благородное сердце не позволило ему не показаться среди них со своим вкусным блюдом».

«*Пара копеек*». «Ребятюшки, что же это мы? Неужели пойдем спать без ужина? Дайте пару копеек, я сбегая в лавочку!»

Полкопейки. Ни разу не была встречена в романе Карела Ванека.

Четверть копейки. Ни разу не была встречена в романе Карела Ванека.

Следует отметить, что мелкими серебряными и медными монетами пользовались и люди достаточно состоятельные. Например, во время обыска у высылаемого в Сибирь подданного Германской империи жандармы описывают разменные монеты в ящике письменного стола⁴³.

В огромном количестве работ написано, что в 1915 и 1916 годах из обращения исчезли разменные серебряные, а затем и медные номиналы, припрятанные населением. Очень хочется верить, что Карел Ванек ошибся, что-то написал неверно, что-то сочинил в своем бытописании. Но не получается.

В противостоянии старший унтер-офицер Ванек vis советский профессор прикладной экономики Каценеленбаум я выбираю Ванека, который сообщает устами своего героя о личных «переживаниях», о своих наблюдениях в центральных и северных российских губерниях и Беларуси.

Были в 1915 и 1916 годах в обращении медные копейки, и серебро было. И в кладах конца войны они есть. И должны быть. Хотя бы потому, что необходимое для обращения количество медных монет и биллона зависит не от объема денежной массы и не от количества единичных хозяйственных сделок, а от количества экономически самостоятельных индивидуумов, которым этот запас мелочи нужен для размена в транзакции одного последнего неполного «рубля» независимо от суммы сделки. Количество населения не увеличилось, количество «доплатных» монет увеличилось. Вывод: увеличения в обороте фракций рубля не требовалось.

Кроме того, во время Первой мировой войны Захарий Соломонович работал в Азовско-Донском банке в Москве, а военнопленный Карел Ванек провел 1916 год, шагая с шанцевым инструментом по дорогам белорусских губерний.

Поэтому отдаю предпочтение свидетельствам фельдфебеля Карела Ванека.

6. Некоторые мелочи

Обмен денег противника

«Наконец они приехали в Пензу, и их поезд остановился в тупике, позади огромного вокзала. Остановились и стояли. Получили щи и, как обычно, гречневую кашу, которую уже никто не стал есть... Нашлись даже и такие, у которых остались еще австрийские деньги, которые они тут же в Пензе выменивали, и это обстоятельство привлекло большое количество евреев, которые обходили поезд, держа в руке рубли и предлагая обмен. Они зарабатывали на этом, но при незначительном количестве клиентов особенно поживиться не могли».

Названный в романе город Пенза лежит в глубоком российском тылу войны 1914—1918 годов, расположен в 1200 км от Киева.

Через несколько месяцев после начала войны был налажен официальный обмен валюты противника, о чем свидетельствуют архивные документы: «Многие военнопленные имели личное имущество и деньги. Но они не могли использовать национальную валюту своих стран для потребностей, так как не было возможности обменять ее на российские рубли. Эту проблему решило военное руководство. Главному полевому казначею армий фронта в октябре 1914 года приказом Главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта было поручено организовать для офицеров и нижних чинов места для обмена денег на станциях в Варшаве, Седлеце, Новогеоргиевске, Белостоке, Гродно, Вильно, Двинске и Полоцке»⁴⁴.

По свидетельству современника, относящемуся к декабрю 1914 года и территориально к австрийско-польским населенным пунктам, аналогичные ситуации обмена денег «с рук» случались с российскими военнопленными в австро-венгерском плену: «В этом доме стояли австрийские солдаты, они вышли к нам, некоторые продавали хлеб. Брели за хлеб с нас дорого — по 50 коп. продавали маленький хлеб[ушек]. Тут много ходило австрийцев и спрашивало — нет ли у кого часов на продажу; у кого есть часы, то продайте сейчас, а то у вас их будут отбирать без копейки, и говорили, что русские деньги тоже будут отбирать. Я тут заметил — некоторые продавали часы и меняли на хлеб; русские деньги тоже многие меняли — за рубль давали австрийские две кроны» (Бохня)⁴⁵. Местное население, однако, не брало российских денег: «Продавали яблоки, сала было достаточно и можно было купить вареное. Только тем плохо, что русские деньги не брали нипочем. У меня австрийских денег не было — мне не пришлось купить; у кого были австрийские деньги, те покупали сало и яблоки, и даже хлеб достали» (Жезава)⁴⁶. В лагерном буфете (нем. кантина) австрийского Мархтренка, однако, российские деньги принимали, пока их после первой не вполне удачной попытки лагерного начальства в январе 1915 года в конце марта 1915 года действительно не удалось изъять⁴⁷.

Местечко Жезава лежит в 50 км к востоку от Кракова, в 300 км к западу от Львова; город Бохня расположен в 10 км к юго-западу от Жезавы, в 50 км

к юго-востоку от Кракова. Мархтрэнк — город на северо-западе современной Австрии, в 750 км к юго-западу от Лодзи, в 200 км к западу от Вены.

Так же в 1914 году российские пленные офицеры в Германии могли обменять рубли на марки⁴⁸, в солдатском лагере знали курс пфеннига и копейки (получаемые в начале лета 1915 года 10 пфеннигов в день при работе на шахте равнялись 5 копейкам⁴⁹), в нем же английские, французские и бельгийские военнопленные получали денежные переводы⁵⁰. Иногда могли обменять российские деньги по произвольному невыгодному курсу: «...за 50 рублей мне дали 70 марок» (Щетин, 1914)⁵¹, курс в банковской меняльной конторе в лагере составлял 1,6–1,7 марки против текущего в 2,14–2,16 марки за рубль, то есть на четверть ниже (Котбус, 1915)⁵². В германском плену администрация изымала российские деньги (Gefangenenlager Денхольм — остров в проливе Штрелазунд в Балтийском море, между приморским городом Штральзунд и островом Рюген, ныне в составе федеральной земли Мекленбург — Передняя Померания, 1914)⁵³. В Австро-Венгрии отношение было более лояльным: упоминаются суммы у рядовых военнопленных в сотни и тысячи крон, мешочек с деньгами на шее у рядового военнопленного с суммой более ста крон (Австрийская Польша, Венгрия, 1918)⁵⁴. В европейских Центральных державах военнопленным разрешалось держать деньги на руках только в небольших размерах⁵⁵. Максимальная сумма находящихся у военнопленного денег не регламентировалась соглашениями между воюющими странами, но из текста Стокгольмского протокола от 1 декабря 1915 года следует, что нижние чины могли носить при себе не более 20 марок или 25 крон⁵⁶.

Стоит сравнить названные суммы с деньгами, получаемыми российским солдатом на фронте. К январю 1916 года относятся строки В. П. Катаева о денежном довольствии солдат действующей армии в автобиографической повести «Юношеский роман моего старого друга Саши Пчёлкина, рассказанный им самим», первая часть действия которой разворачивается в Беларуси: «Деньжата у солдат водились. Ведь мы получали денежное довольствие. Канонир получал пятьдесят копеек в месяц, бомбардир — семьдесят пять, младший фейерверкер — рубль десять копеек. У кого был Георгиевский крест, тот, кроме того, получал в месяц три рубля». В. Б. Станкевич, бывший комиссар Временного правительства в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве при начальнике штаба генерале Н. Н. Духонине, пишет в берлинских мемуарах о денежном довольствии рядового состава в начале октября 1917 года: «...солдат на фронте должен был довольствоваться своей несчастной пятеркой», «...жалкими четвертными билетами, которые изредка наши штабы выбрасывали смелым разведчиками и удачливым охотникам»⁵⁷.

В Россию совершались банками-резидентами стран противника миллионные денежные переводы на централизованную помощь германским и австро-венгерским военнопленным⁵⁸, вероятно через Румынию (до 28 августа 1916 года) и Швецию⁵⁹. Почтовые переводы в Германию и в обратном направлении осуществлялись через Швецию (по курсу 1916 года 10 руб-

лей — 24 марки 93 пфеннига), в Австро-Венгрию и из нее — через Швейцарию (по курсу 1916 года 10 рублей — 32 кроны 47 геллеров), что было значительно выгоднее не только пересылки наличных денег ценным письмом, но на 6% выгоднее официального текущего российского курса за 1 рубль — 2,35 марки⁶⁰.

Австрийские деньги

В рассказах Швейка о прошлой жизни в Австро-Венгерской империи изредка фигурируют также отечественные денежные единицы — кроны (полкроны, пятьдесят крон, сто крон), но геллеры по воле переводчика прячутся под русскими именами («три полтинника», «шесть гривен», «два гривенника», «не было ни копейки»). Однажды использовано совокупное название бумажных денег: «Это будет сын того Альфреда Катца, что покупал заячьи шкуры и был посажен в тюрьму за подделку кредиток».

Крона, как свидетельствуют русские пленные, по простонародному курсу начала войны равнялась 50 копейкам: «В общем за 8 суток своего плена казак выиграл у австрийцев шесть рублей. Правда, деньги у него были русские, но австрийцы менялись охотно. «Курона» (крона) шла за полтинник, две «куроны» за рубль и т.д.»⁶¹.

Клад

Стоит отметить, что деньги хранятся либо переносимыми на теле, либо в пределах хозяйственных построек: «А с одним полком случилось так, что когда русские наступали, то полковой казначей не успел спрятать полковую кассу, а в ней были одни тысячные. Тогда он сшил две рубахи и между ними напихал, как вату, кредитки. Ну а когда оказался в плену, то все нашивал на эти рубахи заплатки, чтобы кредитки не промокли и не испортились. Ну да, такой миллион скрывать несколько лет не шутка. Такая штука случилась у нас в Сврабове. Один голубчик скопил несколько тысяч и спрятал их в козьем хлеву, а коза в это время была в интересном положении, и у нее появилась странная прихоть — аппетит на бумагу; она взяла и сожрала деньги. Так он потом от злости взял и продал ее мяснику на убой вместе с этими тысячами за шесть золотых».

Действительно, археологически исследованные места находки кладов иногда показывали наличие остатков строений.

III

7. Денежный кризис зимой 1916/1917 годов

Карел Ванек как бы в порядке жесткой насмешки все эпизоды, сигнализирующие о начале денежного кризиса, связал с местной гомельской улицей «красных фонарей», известие об исчезновении мелочи главному герою и его друзьям зимой 1916/1917 годов сообщают местные проститутки:

«Нет у меня, голубчик, денег. Ни одной копейки. Если хочешь, я отлюблю за это: товар за товар!»

«Нет ни копейки. Но, голубчик, возьми за них мой крем «Метаморфозу». Мне ее принес аптекарь, он иначе не платит».

«Третья богиня любви предлагала им за кольца одеколон и старый корсет. Горжин плюнул с досады. — Больше я никуда не пойду! Пойдем на базар и продадим их солдатам и бабам! А там, когда они показали свои сокровища, их моментально окружили девушки, подростки и бабы. Швейк продавал, Горжин получал разорванные пятикопеечные и грязные двадцатикопеечные — похожие на почтовые марки деньги».

В изображении Карела Ванека мы, на первый взгляд, видим всеобъемлющий кризис, который заключается в глобальном дефиците средств платежа. На самом деле следует говорить о кризисе средств размена, и не более того. При ближайшем рассмотрении видно, что кризис средств размена уже грамотно разрешен — о чем и говорят расчетные марки. При еще более тщательном рассмотрении становится понятным, что разговоры о нехватке мелких необеспечиваемых денежных суррогатов нужны собственно для обоснования выпуска этих необеспеченных денежных знаков!

Можно апеллировать к другим памятникам эпохи, в которых не отмечены разменные марки. Например, к книге С. З. Федорченко, составленной из фрагментов фронтовых бесед солдат русской армии Юго-Западного фронта в 1915–1916 годах, в которой разменные марки вовсе не фигурируют. В ней упоминаются по разу полтина, «звонкий рубль», три рубля, сто рублей, кошель с золотыми монетами и 10 крон. И нет практически упоминания о копейках, из мелочи только три раза грош в составе фразеологизмов, раз пятак, да древний семишник⁶². Но это проблема памятника. Не много богаче широко известные «Походные записки» военврача Л. Н. Войтоловского: раз встречен пятачок, два раза встречен гривенник, раз — пятиалтынный, пару раз двугривенные, три — полтинник, один — «засаленная рублевка», дважды золотая пятирублевка (в одном эпизоде), один — двадцатипятирублевка, около шести десятков упоминаний рублей и с десяток — копеек как счетных единиц в дюжине эпизодов. Копейки как разменная монета в офицерских мемуарах практически отсутствуют⁶³.

Очевидно, что роман Карела Ванека является исключительным по точности и подробности источником по истории денежного обращения времени его действия.

Существенно, что упоминание о деньгах-марках в произведении, действие которого разворачивается на территории современной Беларуси, встречено только в одном эпизоде и через год после их введения в оборот, а казначейские знаки не упоминаются вовсе.

Рис. 8. Расчетные марки образца 1915 года номиналом 20 копеек

8. Финансы, денежная масса и мировая война

Одним из важных наблюдений за названными в романе Карела Ванека денежными номиналами является полное отсутствие упоминаний о золотых монетах при наличии у героев сумм, которые могли быть и в золотых 5-, 7 $\frac{1}{2}$ -, 10- и 15-рублевых золотых монетах.

Согласно указу от 29 августа 1897 года кредитные билеты стали обеспечиваться золотом. Указом от 14 ноября 1897 года был введен неограниченный обмен кредитных билетов на золото, кредитным билетам была присвоена сила законного платежного средства наравне с золотой монетой. В преддверии войны были предприняты меры по защите денежного рынка с учетом опыта кризисных ситуаций, например времен Январского (Польского) восстания 1863 года⁶⁴. 1 августа 1914 года Германия (инициатор силового противостояния), а 6 августа 1914 года и Австро-Венгрия объявили войну Российской империи. 9 августа 1914 года был приостановлен размен кредитных билетов на золото. Прекращение обмена через неделю после вступления Российской империи в Первую мировую войну бумажных и металлических денежных знаков (банковских и разменных) на золотые монеты (они составляли $\frac{1}{5}$ от состава денежной массы) не привело к дефициту денежных знаков (таблица 1).

Таблица 1. Состав наличной денежной массы (агрегат M0) Российской империи в рублевом исчислении на 1 января 1914 года⁶⁵

Категория	Руб. (млн)	%
Кредитные билеты	1665	69,3
Золотая монета	494	20,6
Серебро 900-й пробы	123	5,1
Серебро 500-й пробы	103	4,3
Медная монета	18	0,7
Всего	2403	100,0

По Положению Совета министров от 24 июля (6 августа) 1914 года «О приостановлении размена государственных кредитных билетов на звонкую монету» и по принятому Государственной думой закону «О некоторых мерах финансового характера ввиду обстоятельств военного времени» от 27 июля (9 августа) 1914 года золотые монеты не были изъяты у населения и по-прежнему могли участвовать в процессе денежного обращения. Они по-прежнему учитывались в государственной статистике как составная часть денежной массы, а также принимались во все платежи. Но золотых монет в обращении стало действительно меньше, и виной тому не население империи. Правда заключается в том, что Государственный банк начал изымать из обращения золотые монеты еще в 1913 году и в первой половине 1914 года (133 млн и 36 млн соответственно)⁶⁶, а в годы войны продолжил их скупку у населения с серьезным лажем. Собственно, абсолютное большин-

ство золотых монет было изъято у населения и субъектов хозяйствования до войны (на протяжении полутора довоенных лет), во время войны их количество в денежной массе оставалось достаточно постоянным (рис. 9–10)⁶⁷.

Не наблюдается никаких критических проблем в денежном обращении до самого кануна Февральской революции 1917 года. Механизм возникновения дефицита мелких средств платежа носил технический характер, о чем впоследствии писали видные советские экономисты. Подобное явление произошло в марте 1924 года по причине нехватки в обращении совдензнаков в результате их дефляции и снижения скорости их оборота для размена крупнокупюрных червонцев⁶⁹.

Таблица 2. Эмиссия бумажных денег в Российской империи в рублевом исчислении в 1914–1917 годах (до Февральской революции) (рассчитано по Л. Н. Юровскому⁷⁰)

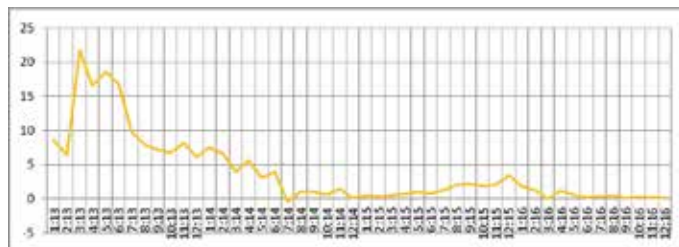
Год	Введено в обращение млн руб.	% от общей денежной массы на 1 марта 1917 г.	% денежной массы к довоенному объему по годам	Индекс цен, %
До 1914	1665	16,6	100	100
1914	1281,9	12,8	177	115
1915	2721,5	27,1	340	238
1916	3595,4	35,8	556	702
1917	780	7,8	603	1172
Всего	10043,8	100,0	100,0	

Общая картина динамики денежной массы в 1914–1917 годах выглядела следующим образом: золотых монет оставалось почти столько, сколько и было до прекращения размена, серебряных существенно увеличилось, а количество бумажных денежных знаков увеличилось в 5,5 раза (таблица 3). Вспоминая закон от 27 июня 1914 года по поводу прекращения размена на золото, редко кто обращает внимание на действительно серьезнейшую вещь — этот закон открыл ящик Пандоры, разрешив выпуск необеспеченных кредитных билетов: «...уже в первые дни войны правительство было вынуждено приостановить действие Закона об эмиссии кредитных билетов Государственным банком России, по которому банк, имея 1,2 млрд руб. золотого резерва, обладал правом выпуска всего 300 млн кредитных руб., не обеспеченных золотом. Закон от 27 июля предоставил ему право дополнительной эмиссии необеспеченных золотом кредитных билетов еще на 1,2 млрд руб. Количество необеспеченных золотом бумажных денег достигло таким образом полутора миллиардов рублей»⁷¹.

Как выяснилось вскоре после начала войны, внутренние займы, краткосрочные обязательства Государственного казначейства и необеспеченная эмиссия были немногочисленными серьезными финансовыми инструментами российского Министерства финансов: во время Первой мировой войны Российская империя и союзники из-за упорного невыполнения Россией требования о решении вопроса еврейского равноправия находились

в финансовой блокаде главного мирового финансиста — Североамериканских Соединенных Штатов Америки, поэтому в требуемом количестве кредиты и размещение займов за рубежом были недоступны и все зарубежные

Рис. 9. Динамика изъятия из денежного обращения золотых монет в резервы Государственного банка Российской империи в 1913–1916 годах (млн руб.)⁶⁷

Рис. 10. Динамика изменения золотой фракции в денежной массе Российской империи в 1913–1916 годах (млн руб.)⁶⁸

платежи производились золотом⁷². Во время Первой мировой войны зарубежные займы, вопреки ожиданию, сократились в 2,7 раза: в 1914–1917 годах внешние займы давали лишь 19,2% всех кредитных средств против 51,8% в 1904–1905 годах⁷³.

Таблица 3. Состав денежной массы Российской империи (млн руб.) в 1914–1917 годах (по Отчету Государственного банка за 1916 год⁷⁴)

Деньги	01.01.1914	01.01.1915	01.01.1916	01.01.1917
Кредитные билеты	1664,7	2946,6	5616,8	9103,4
Золотая монета	494,2	459,8	442,9	436
Серебро	122,7	141,2	145,4	144,1
Разменное серебро	103,1	119,8	161,8	172,6
Медная монета	18,1	18,9	21,9	23,1
Казначейские знаки и марки	—	—	39,8	128,31
Всего	2402,8	3686,3	6428,6	10007,51

Заслуживающей внимание историка налично-денежного обращения может являться проблема банковских вкладов в прифронтовых районах в первые месяцы войны: «...уже в первые дни боев на полях сражений банки столкнулись с проблемой массового изъятия вкладов населением, особенно в западных губерниях, близких к театру военных действий»⁷⁵.

От недостатка средств платежа из-за повышения цен при таком же объеме товарооборота и неизменной денежной массе российский рынок в военное время явно не страдал. Объем товарооборота сократился, денежная эмиссия увеличилась. На войну внутри страны в обращение было вброшено по состоянию на март 1917 года товарнеобеспеченных около 10 млрд рублей (таблицы 2 и 3), на конец 1919 года — 47 млрд рублей⁷⁶. Существенно, что инфляция в первые годы отставала от роста необеспеченной денежной массы — индекс товарных цен в конце 1914 года равнялся 115, в 1915 году — 238, в 1916 году — 702, на октябрь 1917 года — 1172 (за 100 пунктов принят уровень на 1 июля 1914 года)⁷⁷. На это обстоятельство обратили внимание экономисты-современники: «...несмотря на 13-кратный рост бумажно-денежной массы, ценность рубля упала к моменту Февральской революции только до 32 копеек, позволив государству извлечь огромный эмиссионный доход за время войны и оставив еще достаточный простор для эмиссионной практики Временного правительства, которое, в свою очередь, за 8 месяцев своего существования почти удвоило денежную массу и уронило при этом ценность рубля до 10 копеек»⁷⁸. Разбухание денежной массы во время войны не представляло собой исключительного явления: по этому пути финансирования военных действий пошли все воюющие страны: например, денежная масса Англии увеличилась с 1914 по 1918 год в 13 раз⁷⁹.

9. Золото и мировая война. Превентивные меры

Неизлечимо больной костным туберкулезом член «Молодой Босны» и боевик сербской «Черной руки» Гаврило Принцип еще не вышел на улицы Сараево с плоской сербской старой ручной гранатой системы Васић М-1904 с 10-секундным взрывателем, ядом во флаконе и удобным для скрытого ношения плоским компактным полуавтоматическим бельгийским пистолетом FN Browning Model 1910; генерал от кавалерии эрцгерцог Франц Фердинанд с женой графиней Софией еще и не думали собираться для поездки на маневры по приглашению австро-венгерского наместника Боснии и Герцеговины Оскара Потioreка; генерал Потioreк еще не знал, что вместо него в День святого Вита примет смертельную пулю из девятимиллиметрового браунинга жена эрцгерцога; еще не появился не связанный договорами с объектами опеки «моральный долг России — защитить славянские народы Боснии и Герцеговины от германского ига» дуалистической Австро-Венгерской монархии, а министр финансов (в 1906–1914 годах) и председатель Совета министров Российской империи (в 1911–1914 годах) В. Н. Коковцов уже предусмотрительно — за полтора года — распорядился блокировать поступающие в казну отечественные золотые монеты на всякий военный случай.

Рис. 11. Покушение уроженца Боснии и Герцеговины австро-венгерского подданного Гаврило Принципа на престолонаследника австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда у Латинского моста напротив гастрономического магазина «Деликатесы Морица Шиллера» (Сараево, 28 июля 1914 года)

30 января 1914 года на пост управляющего Министерством финансов был назначен видный государственный банкир П. Л. Барк, известный сильно пощипавшей военный бюджет в общем-то правильной программной фразой: «Необходимо ввести подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки» (нужной для производства пироксилинового пороха — хочется ернически добавить. — *И. С.*). 6 мая 1914 г. он занял одновременно пост министра финансов и шефа Отдельного корпуса пограничной стражи. «Министр финансов П. Л. Барк начал проводить курс на выделение крупных сумм на нужды обороны [...]. Поскольку П. Л. Барк понимал, что война неизбежна, он приказал перевести все российские деньги из немецких банков-корреспондентов в Париж и Санкт-Петербург, а также ликвидировать российские депозитные счета в Берлине, где большая группа уполномоченных банковских служащих за два-три дня изъяла русских ценных бумаг на 20 млн золотых руб. Всего до начала войны П. Л. Барк смог вернуть в Россию примерно 100 млн руб.»⁸⁰

Стоит отметить, что реальные расходы военного и морского ведомств составили в мирном 1913 году 26,7% государственной росписи доходов и расходов Российской империи⁸¹, что было лишь несколько выше обычных ежегодных в конце XIX — первом десятилетии XX века 22–25%, причем около $\frac{1}{4}$ выделяемой суммы приходилось на флот, против бывших ранее 30% бюджета, из которых $\frac{1}{6}$ приходилась на морское ведомство (подсчитано по ежегодным «Общим государственным росписям доходов и расходов» 1882–1917 годов). Военная часть бюджетных расходов в царствование Николая II по сравнению с царствованием Александра III существенно уменьшилась в долевом отношении (в военные годы бюджет также составлялся по штату мирного времени, расходы на войну относились на счет чрезвычайных трат).

Собственно, не понимать было сложно: 8 (21) февраля 1914 года собралось Особое совещание (его ядро составляли премьер-министр, министры иностранных дел, военный, морской и финансов) с целью обсудить возможность захвата Константинополя и Проливов, итогом стал вывод, что наиболее благоприятная возможность для этого возникнет в случае общеевропей-

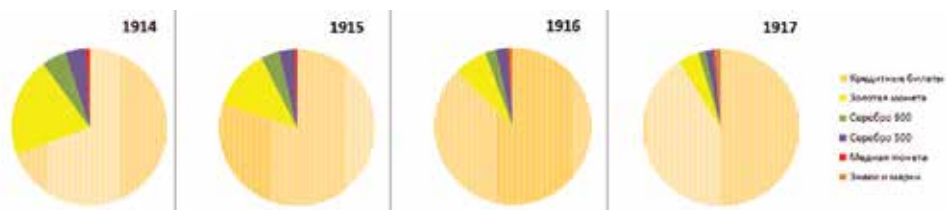

Рис. 12. Прогрессирующее увеличение доли необеспеченных денежных знаков при существенном увеличении количества серебряных (на 40%) и незначительном уменьшении количества золотых (на 12%) монет в денежном обращении Российской империи в 1914–1917 годах

ской войны⁸². Для Российской империи естественным вектором геополитики были Балканы и черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, включая находящееся между ними Мраморное море. Это в 1948 году М. В. Исаковский напишет про турецкий берег: «Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна», а в 1914 году думали по-другому и, как видно по динамике изменения количества золотых монет в денежной массе (рис. 9), начали думать еще раньше — в 1913 году⁸³. Документы Министерства иностранных дел Российской империи и мемуары государственных деятелей однозначно свидетельствуют об обсуждении расстановки сил на европейском театре военных действий, стратегических альянсах и возможных коалициях, а также об определении задач предстоящей войны и ее дипломатического обеспечения уже в 1912 году. Также в 1912 году российский Генеральный штаб разработал «План обороны России на случай общеевропейской войны»⁸⁴. Бывший Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии А. А. Брусиллов напишет в воспоминаниях о времени, когда был помощником командующего войсками Варшавского военного округа: «Удивительный план войны с отводом назад на линию Белосток — Брест был окончательно разработан, насколько мне помнится, на секретном совещании в Москве, кажется, осенью 1912 года и тогда же утвержден»⁸⁵. В 1912 и 1913 годах на встречах начальника российского Генштаба и начальника французского Генштаба в рамках двусторонней военной конвенции было сформулировано, что поражение немецкой армии является первой и главнейшей задачей союзников⁸⁶. обстоятельно, начиная с «Указаний командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза» 1910 года, в обширной монографии описал разработки российского Генштаба бывший профессор Николаевской академии Генерального штаба, историк и исследователь военного дела Н. Н. Головин⁸⁷.

Стоит еще раз подчеркнуть, что изъятие золота из обращения началось до прихода в министерское кресло П. Л. Барка, при министре финансов Российской империи и председателе Совета министров В. Н. Коковцове, стороннике стабильности и мирного решения вопросов международной политики.

Не следует абсолютизировать сказанное, полагая, что эти факты говорят о подготовке Российской империи к развязыванию войны летом 1914 года, — руководство страны должно быть готово к возможным

Рис. 13. Министры финансов Российской империи
В. Н. Коковцов (1906–1914)
и П. Л. Барк (1914–1917)

перипетиям мировой политики и использовать ситуацию к пользе своей державы, даже если инициатива серьезных мировых изменений исходит не от него. Были в правительстве и «ястребы», например к партии войны (в восточном вопросе) относился министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов (в 1910–1916 годах). Да и изъятие золота могло производиться не в ожидании мировой войны, а, возможно, какой-нибудь меньшего размера военной беды, например, вполне реального регионального конфликта с Австро-Венгерской империей.

Однако если изъятие золотых монет из обращения еще можно было утаивать месяцами, то после отчетливого сигнала в виде вывода банковских активов германское руководство не могло не понимать, что запахло порохом, российским порохом.

Еще в ноябре 1912 года на совещании у императора военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов при обсуждении планируемой им мобилизации трех округов, которая могла спровоцировать Австро-Венгрию, легкомысленно заявил: «...все равно войны нам не миновать, и нам выгоднее начать ее раньше, тем более, что это Ваше и Председателя Совета убеждение в нашей неготовности, а Государь и я, мы верим в Армию и знаем, что из войны произойдет только одно хорошее для нас»⁸⁸. Но даже к 1914 году практически все источники толуола и бензола (толуол из него получается реакцией Фриделя — Крафтса), сырья для производства тротила — основного взрывчатого вещества российской армии с 1909 года, к моменту начала войны находились за рубежом (в том числе у вероятного противника России — Германской империи). Для производства бездымных порохов и тринитротолуола приходилось из-за рубежа ввозить сырье для производства серной (75%) и азотной кислот (100%).

В 1915 году в российские войска пошли боеприпасы с суррогатными взрывчатыми веществами, но вскоре и их стало не хватать. 12 июня 1915 года последовал указ Николая II об отставке В. А. Сухомлинова, в начале 1916 года бывший министр был арестован, в конце 1917 года осужден, но это почему-то никак не помогло производству боеприпасов — отечествен-

ного пороха по-прежнему хватало только на треть или половину требуемого. Верховный главнокомандующий российской армией генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич, как явствует его переписка с Главным артиллерийским управлением, даже в марте 1915 года искренне полагал, что разрывная часть снаряда снаряжается порохом⁸⁹. Не зря говорят, что в Российской империи было две проблемы — логистика и некомпетентные люди на руководящих постах...

Объективно следует отметить, что В. А. Сухомлинов загодя пытался исправить положение:

«При письме от 17 мая 1910 года за № 783 я препроводил предместнику вашего высокопревосходительства копию письма начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа от 30 апреля того же года за № 1613 со сведениями о Русском обществе для выделки и продажи пороха. При этом в упомянутом письме за № 783 я высказал мысль, что нахождение в иностранных руках промышленных предприятий, питающих армию боевыми припасами, может лишить ее таковых в наиболее критический момент, а именно в военное время.

Между тем названное Русское общество для выделки и продажи пороха продолжает существовать на прежних основаниях, то есть вся администрация и многие служащие этого предприятия по-прежнему состоят из германских подданных»⁹⁰.

Германские 20% от иностранных инвестиций в экономику России отработывали Германии за 100%, ведь, как писал бывший военный министр А. Ф. Редигер: «Торговый договор 1905 года, заключенный нами во время войны с Японией, был для нас крайне тяжел тем, что целые отрасли нашей промышленности (особенно химические производства и изготовление машин) были лишены таможенного покровительства, а потому не могли развиваться, так что мы были вынуждены получать все эти произведения из Германии»⁹¹.

Аналитики подвели итоги Первой мировой: «Лишить противника возможности получать сырье — такова была важнейшая задача обеих коалиций». Российская армия не понимала значения этих задач, да и не только российская. Перечислялись города, считались разбитые дивизии, пленные, захваченные у противника пулеметы и орудия — это было мерилом успеха у военных. Никто из российских стратегов не заметил, что захват Галиции российскими войсками нечаянно серьезно нарушил снабжение Германии нефтью и повлек за собой немедленную оккупацию Румынского королевства с нефтяными полями Плоешти, неосторожно объявившего 27 августа 1916 года войну Австро-Венгрии⁹². Еще один вывод гласил, что современные войны ведутся в заводских цехах и лабораториях: «Часто производительнее, с военной точки зрения, тратить средства не на содержание лишней сотни человек в мирное время под ружьем, а на поддержание или развитие известных видов индустрии»⁹³.

Бывший военный министр В. А. Сухомлинов откровенно пишет в берлинских мемуарах нечто неожиданно отличное от его слов 1912 года, пересказанных в мемуарах его недруга премьера В. Н. Коковцова: «В начале 1914 года в русском военном министерстве войны не ожидали»⁹⁴. Ему вторит его предшественник А. Ф. Редигер: «Начало 1914 года ничем не предвещало близкого начала мировой войны. Правда, всеобщее настроение было тревожное; биржевые сферы, наиболее чувствительные к возможным политическим осложнениям, были крайне угнетены и даже считали, что война была бы для них лучше того неопределенного положения, в котором они находились; но само правительство не предвидело близости кризиса. Возможность его была вне сомнения, так как чрезвычайное усиление германской армии не только указывало на желание Германии быть готовой ко всяким случайностям, но и на то, что она ждет кризиса в скором времени: она иначе не стала бы так спешить своими вооружениями и не возлагала бы на свое население таких тягот, которых оно не было бы в состоянии выносить долго без разорения страны. Но наши правящие сферы полагали, что Германия все же войны не желает, а вооружается лишь для того, чтобы запугать Россию и заставить ее быть уступчивой при пересмотре в 1916–1917 годах торгового договора с нею»⁹⁵. В войсках не ждали войны и за месяц до ее начала, как это следует из лондонских мемуаров 1918 года генерала от кавалерии В. И. Гурко, в ту пору начальника расквартированной в Москве кавалерийской дивизии: «Как ни мрачен был политический горизонт после убийства в Сараеве австрийского престолонаследника, лишь очень немногие могли вообразить себе, что противоречия между Австрией, с одной стороны, и Сербией с Россией — с другой, были настолько серьезны, что не могут быть разрешены в рамках обычных дипломатических процедур»⁹⁶.

Донесение военного агента (соответствует современному военному аташе) в Швейцарии полковника Генерального штаба Д. И. Ромейко-Гурко от 6 (19) апреля 1913 года заканчивается словами: «...насколько я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 года, настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел без войны в том случае, если Россия не успеет своевременно увеличить свои вооруженные силы»⁹⁷. О подготовке Германской империи к войне как в материальном плане, так и в плане пропаганды свидетельствовали сообщения российского военного агента полковника Генерального штаба П. А. Базарова с обзорами германской прессы весны 1914 года из Берлина⁹⁸. Но военно-политическое руководство Российской империи не обратило внимания на однозначно тревожные сообщения резидентов российской военной разведки, блестящих аналитиков, всецело полагаясь на свое умозрительное представление о возможном развитии ситуации, исходя из известного принципа: я начальник — ты военный агент...

Что касается времени начала большой европейской войны, то о ней знали умные люди уже в 1912 году. Русский анархист князь П. А. Кропоткин еще в 1912 году говорил о европейской войне, которая «должна вспыхнуть

летом 1914 года, когда Германия закончит работы по прорытию Кильского канала и когда во Франции и в России снимут жатву»⁹⁹.

Генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов в воспоминаниях написал: «1911-й, 12-й и 13-й годы были годами особо усиленных ассигнований Рейхстага на армию, какое обстоятельство как бы указывало на приближение времени роковой развязки»¹⁰⁰.

Известный советский ученый М. И. Покровский в предисловии к многолетнему изданию документов о Первой мировой войне написал: «Война была решена не в июле 1914 года, но значительно раньше. Точный момент этого решения, конечно, установлен быть не может: никто из участников не мог сказать, когда именно было решено — не воевать вообще (это, может быть, было решено за много лет до 1914 года), а когда было решено начать войну именно летом этого года. Но объективная обстановка, из которой в будущем могла быть только европейская война, окончательно сложилась зимой 1913/14 года»¹⁰¹.

В конце 1912 года, задолго — почти за два года — до двух злополучных пистолетных выстрелов в упор 15 (28) июня 1914 года никому не известного австро-венгерского подданного белградского гимназиста в боснийском Сараево в день битвы под Косово в противника превентивной войны с Сербией наследника австро-венгерского престола и его супругу, «на военном совете кайзер Вильгельм II сформулировал ближайшие цели Германии: усиление военной мощи, дипломатическая и психологическая подготовка к континентальной войне с Россией и Францией»¹⁰². Внешне неразумный призыв к войне на два фронта был вполне рационален — надо полагать, что для кайзера «антитройственносюзный» тайный договор 1892 года России и Франции о взаимной поддержке в случае военной угрозы не был тайным. Собственно, с ближайшим будущим европейских стран все стало ясно после вмешательства германских и австро-венгерских дипломатов в политику балканских государств после Первой Балканской войны 8 октября 1912 года — 30 мая 1913 года с призывами пересмотра Лондонского мирного договора 30 мая 1913 года, приведшего, несмотря на интенсивные мирные инициативы Российской империи, к Межсоюзнической войне 29 июня — 29 июля 1913 года и успешному развалу пророссийского антиосманского Балканского союза в составе Болгарского царства (перешедшего в 1915 году на сторону Центральных держав), Королевства Греции, Королевства Сербии, Королевства Черногории.

Но и это еще не все. Показания 1920 года адмирала А. В. Колчака перед следственной комиссией в Иркутске отодвигают дату начала военного противостояния к 1907 году: «Еще в 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т.д. совершенно определено и неизбежно указывали нам на эту войну, начало которой

мы определяли к 1915 году. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 году она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать. После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического, было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя и что эта война должна будет решить в конце концов вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет с союзом срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошиблись только на полгода, да и немцы сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали». «Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен как Германия»¹⁰³.

Еще до взрыва и выстрелов в Сараево сербское руководство озабочилось приобретением современных винтовок, количество которых в два раза превышало численность ее вооруженных сил и в три раза — потребность в «повторительных» магазинных винтовках: «26 октября 1913 года глава сербского совета министров Н. Пашич отправил телеграмму в посольство в Санкт-Петербурге с просьбой выяснить, в состоянии ли российское правительство «в кратчайший срок» поставить Сербии 400 000 винтовок»¹⁰⁴. Это означало, что Сербское королевство, видя неизбежность масштабного вооруженного конфликта, более чем за полгода до сараевского инцидента стало готовиться к всеобщей мобилизации (судя по количеству запрошенного стрелкового оружия, уровень мобилизации составил бы около 10% от всего населения королевства). Из опасений спровоцировать Австро-Венгрию поставками оружия Королевству Сербии Россия уклонилась от заключения контракта. Только после объявления войны королевству Германией и Австро-Венгрией Сербия получила российский кредит в размере 6 млн рублей, которые пошли на оплату 120 000 российских трехлинейных винтовок образца 1891 года и патронов к ним.

Гибель возможного наследника трона Франца Фердинанда была выгодна «ястребиной» части венского политического руководства с ее лидером начальником Генерального штаба австро-венгерских войск Францем Конрадом фон Хетцендорфом. Произошла она через восемь месяцев после неконструктивной встречи Франца Фердинанда в его чешской охотничьей резиденции Конопинште с германским кайзером Вильгельмом II 4 (17) октября 1913 года¹⁰⁵.

В какой-то степени, как это ни парадоксально звучит, большая четырехлетняя война 1914—1918 годов была продолжением Межсоюзнической войны расширенным составом участников.

Современный российский историк П. В. Мультипули в монографии «Император Николай II. Мученик» детально описал процесс принятия невыгодного на тот момент тяжелого решения и обильно процитировал переписку предвоенных дней германской и российской сторон, а также привел письменные свидетельства окружения российского императора, которые показывают, как по недоброй воле германского руководства распоряжение о всеобщей мобилизации в Российской империи стало неизбежным¹⁰⁶.

Проблема на Балканах была создана значительно раньше — разделом потерянных Османской империей территорий Берлинским конгрессом великих держав 1878 года, решением которого главные акторы мировой политики предотвратили создание по итогам русско-турецкой войны 1877—1878 годов крупного пророссийского государства на основе Сербского королевства и Черногорского королевства. Собственно, это было предопределено еще раньше — негласным Рейхштадтским соглашением 1876 года Александра II и кайзера Австро-Венгрии Франца Иосифа. Российская империя, несмотря на провозглашаемый панславизм, согласилась на оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгерской империей в обмен на невмешательство в будущую русско-турецкую войну (в противном случае о войне можно было и не думать), тогда же было сформулировано, что балканские славяне «ни в каком случае не могут образовать на балканском полуострове одного большого государства»¹⁰⁷. Австро-Венгерская империя получила официальное добро Берлинского конгресса на оккупацию Боснийского пашалыка при сохранении османского управления, затем немедленно последовало образование кондоминиума Боснии и Герцеговины, а в 1908 году провинция и вовсе была аннексирована Австро-Венгрией. Опять-таки с ведома Российской империи («Скандал Бухлау» 1908 года — несанкционированные переговоры российского министра иностранных дел А. П. Извольского и министра иностранных дел Австро-Венгрии Алоиза фон Эренталя с целью добиться согласия Австро-Венгерской империи на содействие в открытии Черноморских проливов для русского флота в обмен на признание готовящейся аннексии Боснии и Герцеговины)¹⁰⁸.

Целью Германской империи на Балканах в 1914 году была дестабилизация обстановки путем удаления с политической карты мира Сербского королевства¹⁰⁹, что серьезно задевало интересы Российской империи по отношению к Проливам или их режиму. Если смотреть на проблему с точки зрения Балкан, то именно так все и выглядело. Мне кажется, что, если отбросить детали, то для оперирующей в масштабе Европы Германии все виделось проще — маленькому Сербскому королевству германские политики отводили всего лишь роль элементарного детонатора. Бедовая идея превентивной войны поселилась в головах германских военных и политиков. Сербия была нужна как вспомогательный материал для решения простой арифметической задачи. Партия складывалась следующая: если Австро-Венгрия нападает на Сербское королевство, то Германия остается по раскладу сил один на один с Францией, поскольку неготовая к масштабному вооруженному конфликту спровоцированная Российская империя будет неизбежно связана войной с Австро-Венгрией и войны Германии на два

фронта как бы и не произойдет. Другими словами, Германия первой объявляет войну Российской империи, чтобы с ней не пришлось воевать. После объявления превентивной войны Германией в войну с Россией непременно вступит Австро-Венгерская империя. Настоящая большая цель германской политики на Балканах заключалась в гарантированном втягивании в войну с Россией колеблющегося союзника, чтобы сберечь свои ресурсы для борьбы на Западном фронте и перепоручить Австро-Венгрии борьбу на Восточном фронте с французским союзником в лице Российской империи. Использование турецко-российских противоречий позволяло столкнуть страны, в результате Российская империя сама получала войну на два фронта — на западном европейском и восточном азиатском. Затем следовало выведение из войны одного из противников и добивание оставшегося. В основе своей это был так называемый «план Шлиффена», разработанный в 1905 году начальником германского Генерального штаба А. фон Шлиффеном (в 1891–1905 годах), который предусматривал разгром Французской республики и Российской империи. По большому счету, у Германии почти все получилось в реализации плана.

Даже не воюющая с Германией Российская империя с ее достаточно большим военным потенциалом оценивалась немецкой прессой как опасная соседка в случае конфликта с Французской республикой: «...Россия заставила бы Германию, по меньшей мере, оставить сильную армию на своей восточной Границе, если бы Германии пришлось вступить в вооруженную борьбу со своим западным соседом»¹¹⁰.

На полях стоит отметить два факта, помогающие по-иному взглянуть на непреодолимое желание Германской империи наказать убийц особ монаршей крови путем мировой войны. 10 сентября 1898 года австрийская императрица Елизавета Баварская была убита в Женеве итальянским анархистом Луиджи Лукени, приговоренным к пожизненному заключению. Однако никто не собирался вводить в Италию или в Швейцарию войска для наказания террористов. Задержанный проходившим мимо сербским студентом убийца эрцгерцога Франца Фердинанда вопреки ожиданию также не был казнен — в соответствии с законом несовершеннолетний преступник был осужден на 20 лет тюрьмы. «Видовданский герой» Гаврила Принцип скончался в заключении в тюремной больнице Малой крепости находящегося в 60 км от Праги чешского Терезиенштадта 28 апреля 1918 года, дожив до выхода из Первой мировой войны России (заключение сепаратных мирных договоров с Украинской Народной Республикой 27 января (9 февраля) 1918 года, с Советской Россией 3 марта 1918 года).

Что касается золотого запаса Российской империи, то военный министр В. А. Сухомлинов в 1910 году при обсуждении расходной части военного бюджета довольно точно предсказал его судьбу: «Кокковцов (министр финансов и председатель Совета министров. — *И. С.*) заявил, что когда вспыхнет война, то для ее ведения потребуются деньги, деньги и еще раз деньги. На это я ему возразил, что деньгами стрелять в неприятеля нельзя будет, и все скопленные денежные запасы заберет противник»¹¹¹.

10. Некоторые наблюдения

Расчетные марки

В романе при описании суррогатных марок-денег (официально «расчетные марки»¹¹²) в 5 и 20 копеек вкралась неточность: номинал 5 копеек ни в одном из четырех выпусков (включая последние два выпуска Временного правительства) не присутствует, «марки» имели достоинство в 1, 2, 3, 10, 15 и 20 копеек¹¹³. Они появились на основании Постановления Совета министров от 25 сентября 1915 года. На лицевой стороне новых денежных знаков имелось изображение соответствующего номинала почтовой марки юбилейного выпуска дома Романовых (1913 год — номиналы 13 почтовых марок серии 1, 2, 3, 4, 7, 10, 14, 15, 20, 25, 35, 50 и 70 копеек), размер 24x30 мм. В 1915 году в оборот поступили первые образцы номиналом 10, 15 и 20 копеек (печать в сентябре 1915 года) с надписью на обороте: «имеет хождение наравне с разменной серебряной монетой», на расчетных марках достоинством в 1, 2 и 3 копейки (печать в октябре — ноябре 1915 года) надпись на обороте гласила, что знак «имеет хождение наравне с медной монетой»¹¹⁴. Отсутствие клише почтовой марки номинала 5 копеек избавило от лишних объяснений в надписи по причине того, что монеты номиналом 5 копеек существовали в меди и серебре: номинал расчетной марки «5 копеек» не был предусмотрен. Проблему с датировкой марок мелких «медных» номиналов решил украинский бонист П. Ф. Рябченко: расчетные марки всех номиналов первого по времени типа он датирует 1915 годом¹¹⁵ в соответствии с информацией современников, согласно которой небольшая часть номиналов в 1, 2, 3 копейки была пущена в обращение в 1915 году¹¹⁶. Расчетные марки выпускались на полукартоне, листами по сто штук с перфорацией.

Марка номиналом в 20 копеек с портретом императора Александра I имела оливковый цвет («грязные двадцатикопеечные»), вторая марка, вероятно, имела номинал 15 копеек.

Таблица 4. Эмиссия «расчетных марок» во время действия романа (1915–1917 годы, млн руб.)

Год	Номинал						
	1 коп.	2 коп.	3 коп.	10 коп.	15 коп.	20 коп.	Всего
1915	0,04	0,04	0,05	13,6	15,6	19,4	48,73
1916	нет	нет	нет	16,8	20,5	19,6	56,9
1917	0,5	0,7	1	32,8	40,9	41,6	117,5

Современник событий экономист Г. Д. Дементьев приводит иные цифры по эмиссии разменных марок. В бюджете в 1915 году выпуск разменных марок фигурировал как чрезвычайный доход объемом в 48,9 млн рублей, в 1916 году — 115 млн рублей¹¹⁷ (возможно, к данным за 1916 год добавлены данные за половину 1917 года).

Стоит отметить, что с конца 1915 года до конца 1916 года в романе пленным чехам не довелось встретиться с этим видом суррогатных денег ни в Сибири, ни на территории Украины и Беларуси. Также вовсе не упоминаются казначейские разменные знаки 1915 года номиналом 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 копеек, вводимые указом от 6 декабря 1915 года (боны 10, 15, 20 копеек в обращение не поступили). Сохранилось упоминание современника о локальном использовании мелких номиналов марок-денег на Северном фронте весной 1917 года¹¹⁸. На Украине же расчетные марки появились вскоре после письма Госбанка «О разменных марках 1, 2 и 3 коп[еечного] дост[ойнства] на случай выпуска их в обращение наравне с медной монетой» от 18 ноября 1915 года, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о фальсификации марок номиналом 15 и 20 копеек в современных событиям периодических изданиях Киева и Одессы начиная с января 1916 года¹¹⁹. Явно управляемое из центра массовое локальное и раннее распространение марок на Украине заставляет задуматься о прогнозах российских военных относительно судьбы южных губерний Российской империи в войне 1914 года.

Разменные монеты

Денежные знаки Российской империи физически исчезали из обращения только на оккупированных территориях — германские финансовые организации различными способами получали российские кредитные билеты для обмена их на необходимую валюту на рынках нейтральных стран, также с этих территорий «вымывались» золотые монеты. Обмен производился по курсу 2,16 немецкой марки за золотой рубль и 1,66 немецкой марки за рубль бумажный, то есть с лажем в 30%; широко использовались для замены российских денег оккупационные острубли и остмарки¹²⁰. Этот финансовый «вечный двигатель» был построен на простом свойстве: котировка рубля на зарубежных биржах была значительно выше, чем покупательная способность рубля внутри страны или на оккупированных территориях¹²¹.

Стоит отметить, что невыгодный курс рубля парадоксальным образом мог возыметь обратное действие, как это было в 1914 году в занятых германскими войсками Сувалках: «А так как для русского рубля немцы установили, по сравнению с их марками, очень низкий курс (за 100 руб. 122 марки), то было гораздо выгоднее брать наши кредитки, тем более что своими марками нем-

Рис. 14. Территория Ober Ost в 1917 году

цы дорожили, а нашими же бумажными деньгами платили довольно щедро» (Сувалки, 1914)¹²². Между тем до войны «обычный» курс составлял 2 марки 15 пфеннигов за рубль, но в первые же дни после ее начала стихийно устанавливается в Германии у российской границы курс 2 марки за рубль¹²³. В Пруссии 10 августа 1914 года в немецкой лавке у русских офицеров принимают в оплату российские деньги по простонародному курсу 50 копеек за марку¹²⁴.

Мы знаем, что на оккупированных территориях северо-западных губерний медные монеты не были вытеснены, что следует из разрешения германских властей их использовать, действовавшего с 3 сентября 1917 года по 3 марта 1918 года¹²⁵, находок кладов российских монет совместно с серебряными германскими монетами в Литве¹²⁶, а также находки клада в деревне Чернавчицы Барановичского района Брестской области из медных монет Российской империи, Австро-Венгрии, Германии¹²⁷.

Выпуск часто встречаемых железных 1, 2, 3 осткопеек в 1916 году (рис. 14) и выпуск разменных 1, 5, 10, 20 фенигов 1917–1918 годов регентского Королевства Польского (5 ноября 1916 года — 14 ноября 1918 года) для оккупированной российской территории Царства Польского¹²⁸, которые встречаются и на «восточных землях» (Брестская и Гродненская области Республики Беларусь), говорят об использовании мелких номиналов в денежном обращении захваченных германскими войсками российских территорий.

Между тем производство монет на Петроградском монетном дворе в 1916–1918 годах продолжалось. В 1916 году по 16 июня было выбито 96,815 млн кружков серебряных монет номиналом 20, 15, 10, 5 копеек серебром и 5, 3, 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ копейки медью на сумму 15,23273 млн рублей; все они, за вычетом 1,5% от общего числа кружков, были переданы в казну¹²⁹.

Кроме того, заказ на производство 15 и 10 копеек 1916 года (96,66 и 70,0 млн штук соответственно) на сумму 21,5 млн рублей был размещен на японском монетном дворе в городе Осаке (вероятно, кроме прочего, из соображений оптимизации логистики и дешевизны китайского ямбового серебра на локальном рынке драгметаллов).

Надо отметить, что массово известны монеты номиналами 15 и 10 копеек с датой «1917», которые не присутствуют в восточнобелорусских кладах¹³⁰.

В 1914–1917 годах на Гельсингфорсском монетном дворе продолжают биться миллионными тиражами для Финляндии, составной части Россий-

Рис. 15. Боны германской оккупации. 1916. 3, 2 и 1 копейка. Железо

Рис. 16. Монеты для Финляндии.
10, 5 и 1 пенни

ской империи, серебряные монеты 1 марка 868-й пробы (1915), 50 пенни 750-й пробы (1914–1917) и 25 пенни 750-й пробы (1915–1917), медные 10, 5 пенни (1915–1917) и 1 пенни (1915–1916), причем по сравнению с довоенным временем возрастают тиражи как серебряных, так и медных монет, разве только что выпуск 1 пенни остается на довоенном уровне¹³¹. Население Великого Княжества Финляндского времен Первой мировой войны составляло 3 млн человек (для сравнения: в 1915 году население Эстонии составляло оценочно 2 млн, Литвы — 2 млн, Латвии — 2,5 млн, Беларуси — около 10 млн человек¹³²

при общем количестве населения Российской империи 170 млн человек).

Среднегодовой рост производства в единицах продукции по сравнению с довоенным временем для 20 копеек произошел в 6,4 раза, 15 копеек — в 1,4 раза, 10 копеек — в 1,9 раза, лишь производство и без того малочисленных серебряных пятакков сократилось в 2 раза. Очевиден акцент в 1914–1916 годах на производстве наименее затратных в сравнении с номиналом 20-копеечников (таблица 5). Естественно, готовая продукция передавалась в казначейство, а оттуда в конечном итоге расходилась в виде «подкреплений» по отделениям банков. Если монеты производили во все увеличивающихся количествах, значит, они были нужны в денежном обращении империи и использовались.

Таблица 5. Среднегодовое производство разменных серебряных монет в военные 1914–1916 годы и довоенные 1901–1913 годы (млн экз.)

Годы	20 коп.	15 коп.	10 коп.	5 коп.
1901–1913.	11,4	20,1	20,2	3,7
1914–1916	73,4	28,3	37,9	1,8
% от довоенного	641	141	188	49

Разменных монет в Российской империи не только не стало меньше, напротив — их количество возросло в разы. Однако теперь монеты распределялись неравномерно по территории империи.

Хлопок и отходы его переработки были необходимы оборонной промышленности империи как сырье для производства нитроцеллюлозы для бездымных ружейных и орудийных порохов (в XX веке — основное предназначение) и тринитроцеллюлозы для бризантного взрывчатого вещества

пироксилина крупнокалиберных снарядов, морских мин и торпед. Поэтому, судя по архивным данным, в центральноазиатские хлопкопроизводящие районы (Туркестанский край, прежде всего Ферганская долина) разменная серебряная монета направлялась Государственным казначейством даже в конце 1917 года — при вытеснении к этому времени из обращения разменных серебряных монет бумажными денежными знаками в центральных губерниях Российской империи¹³⁶. Производство хлопка в Туркестане покрывало 50% потребности легкой промышленности¹³⁷, в 1916 году из Туркестана было вывезено 16 млн пудов, в том числе из Ферганы 11 млн пудов хлопка¹³⁸. Цена пуда туркестанского хлопка-волокна в 1913 году составляла 24 рубля, а в 1915 году достигла 32 рублей, в 1916 году — 36 рублей¹³⁹. Стоимость 16 млн пудов составила 576 млн рублей, очевидно, что разменная монета предназначалась не для закупок всего товарного хлопка, но для оплаты мелких производителей-дехан и труда работников, занятых выращиванием и сбором хлопка на плантациях. Западный Туркестан насчитывал 5 млн человек населения и являлся стратегически важным сырьевым районом, чем объясняется повышенное к нему внимание центральной власти. Тем не менее в июле 1916 года по причине призыва в «трудоармию» не обязанных военной службой «инородцев» для труда на практически безвозмездной основе вспыхнуло обширное так называемое Среднеазиатское (Туркестанское) восстание, локальные очаги которого сохранялись в 1917 году. В советское время произошло ожидаемое хозяйственниками царского времени: «Угрозы реквизиций, неэквивалентного обмена на обесценивающиеся деньги или продовольствие определили массовое свертывание хлопкопроизводства. В итоге в 1918 г. урожай хлопка составил всего пятую часть от урожая 1917 г.»¹⁴⁰

Не только хлопкопроизводящий регион оказался в числе избранных: «...отдельные учреждения Государственного банка все еще выдавали билонную и медную монету. Согласно докладу Зейме (январь 1917), она высылалась в Сибирь, в Среднюю Азию и Закавказье, а также в четыре отделения банка, расположенные в европейской части империи: Екатеринодарское, Армавирское, Ейское и Астраханское»¹⁴¹.

Советским нумизматом И. Г. Спасским было предложено считать отзыв в 1914 году из обращения 8 278 973 рублей банковской монеты 900-й пробы способом получения сырья для изготовления разменной монеты 500-й пробы. Действительно, выигрыш получался невероятным: почти в два раза ($0,9/0,5 = 1,8$). Обращает на себя внимание несоответствие ожидаемой суммы и реального производства разменной серебряной монеты в 1915 году: 14,9 млн рублей против произведенных 38,4 млн рублей, то есть произведено в 2,6 раза больше. Более того, после изъятия в 1914 году 8 млн рублей банковской монеты ее количество в том же году во втором полугодии увеличилось на 20 млн рублей (таблица 6).

Представляется возможным проверить вероятность названного развития событий двумя способами: 1) проанализировать месячные изменения коли-

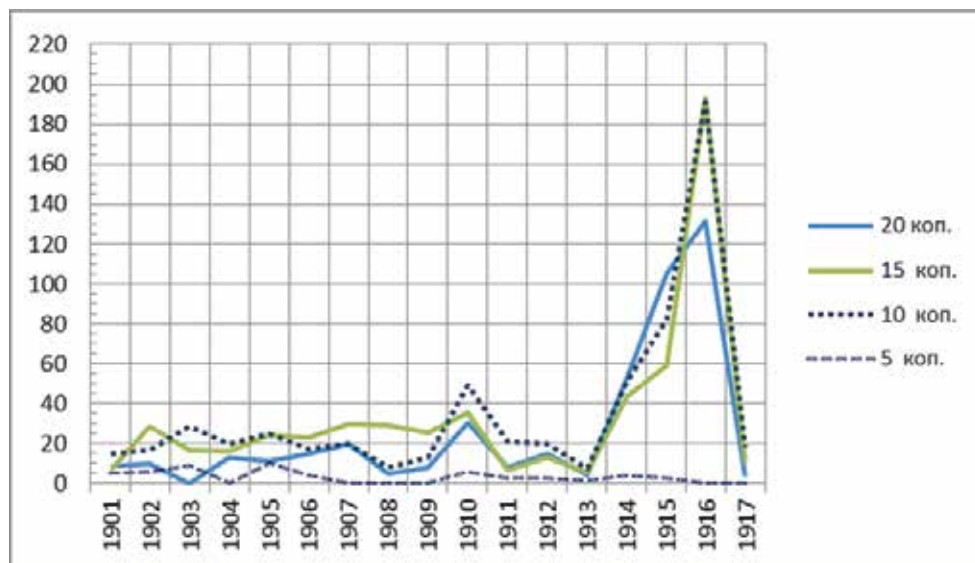

Рис. 17. График объемов производства разменных серебряных монет Российской империи в XX веке по М. И. Смирнову¹³³, И. Г. Спаскому¹³⁴ и Н. С. Моисеенко¹³⁵ (млн экз.)

чества банковских монет в денежной массе и динамику пиковых значений ее объема (сезонных минимумов и максимумов); 2) использовать изменение годового объема банковских монет в денежном обращении (таблица 6) и годовые изменения резервных запасов Государственного банка.

Первый способ требует только ежемесячных данных о количестве банковских серебряных монет в денежной массе.

Очевидно, что в анализируемом хронологическом отрезке с 1913 по 1915 год в динамике изменения количества банковских серебряных монет в обращении наблюдается сезонность в техническом регулировании их объема: отзыв монет из обращения в резерв и затем вброс их в виде подкрепления в сентябре — октябре. В использованном для анализа временном ряде видны четыре годовых максимума и четыре годовых минимума. Сезонные увеличения объема национальной денежной массы («пульсация») во время реализации урожая и закупок для нужд армии продовольствия и фуража хорошо известны¹⁴². Очевидно, что наблюдаемые сезонные «пульсации» объема части национальной денежной массы — банковских монет — являются элементом этого циклического процесса. Денежная система в 1913–1915 годах демонстрирует хорошо организованную эластичность в сегменте банковских монет.

В 1914 году привлекаются накопленные долговременные резервы: в августе — октябре происходит значительное увеличение банковской монеты в обращении — на сумму около 20 млн, причем приблизительно на $\frac{3}{4}$ за счет долговременных резервов банковских монет.

Таблица 6. Динамика количества банковских серебряных монет в денежной массе в 1914–1916 годах (млн руб.)

Год	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1913	120,5	116,1	115,1	115,1	113,8	113,5	114,6	114,8	119,4	125,9	125,9	122,8
1914	122,7	118,2	116,3	119,4	116,5	118,2	119,9	128,4	134,5	142,6	142,6	140,3
1915	141,2	139,1	137,7	138,9	137,4	137,4	138,2	139,5	142,5	144,8	145,2	145,5
1916	145,4	145,2	145	145	144,8	144,9	144,7	144,7	144,6	143,3	144,2	144,2
1917	144,1											

Названная сумма почти равна производству всех банковских монет Российской империи на Санкт-Петербургском монетном дворе в XX веке — в 1901–1914 годах на нем было произведено монет высокопробного серебра на 17,6 млн рублей. Стоит напомнить, что с 1914 года монетный двор не производит банковских монет, но огромное количество монет, превосходящее все мыслимые возможности монетного двора, вводится в обращение. Это наглядно демонстрирует, что производство монет и их эмиссия — вещи, совершенно не связанные напрямую, а еще менее производство монет связано с денежным обращением.

Осенью 1915 года помимо сформированного технического резерва объемом около 5 млн рублей привлекается для вбрасывания в обращение еще около 2 млн рублей из долговременных резервов. В 1916 году денежное обращение перестало «возвращать» банковскую монету в банковские хранилища в привычных темпах (рис. 18), и в течение года ее объем в обращении с отметки 145,2 млн медленно уменьшался до 144,1 млн рублей без явных сезонных колебаний (таблица 6). Это означает, что население и субъекты хозяйствования перестали передавать в казенные учреждения банковские монеты, но отнюдь не означает, что после исключения названной сферы применения остающиеся на руках у населения банковские монеты перестали выполнять денежные функции, а именно средства обращения и средства накопления, поскольку еще после перехода на золотой рубль остальные функции у серебряных монет были изъяты. Надо отметить, что обе названные функции, по крайней мере в экономиках с преобладанием агрегата М0 в денежной массе и неразвитой банковской сферой, неразрывно связаны.

Объем высокопробных монет в абсолютном выражении не только не уменьшился переделкой в низкопробные разменные, но и вырос на $\frac{1}{6}$ от уровня начала 1914 года и сохранился таким же высоким, несмотря на огромное производство разменной монеты в 1914–1916 годах (рис. 19).

Поскольку анализ временного ряда показывает наличие серьезного резервного запаса, то вполне возможна передача его части для монетного передела, причем не только в указанный год.

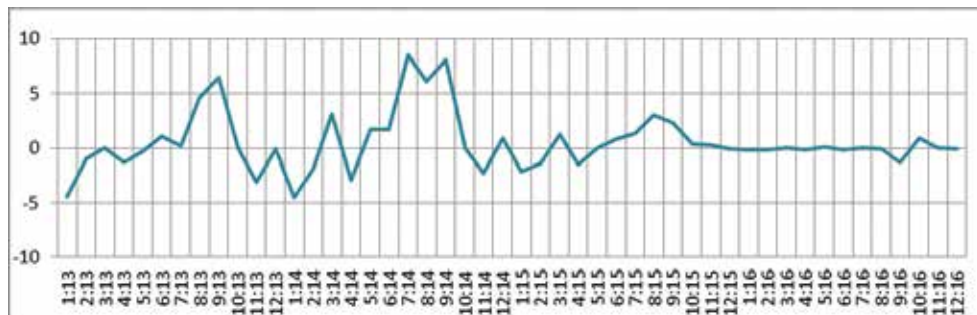

Рис. 18. Сезонные колебания месячных объемов банковских серебряных монет в денежном обращении в 1913–1916 годах (млн руб.)

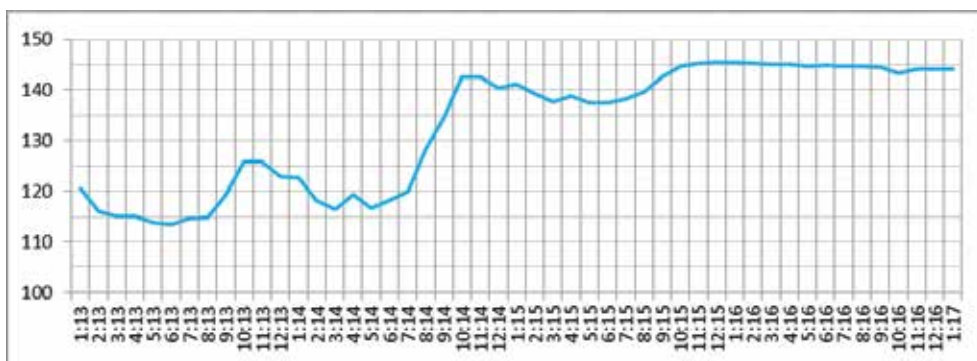

Рис. 19. Изменение количества банковских серебряных монет в денежном обращении в 1913–1916 годах (млн руб.)

Второй способ проще и точнее, но предполагает наличие дополнительных сведений о резервных запасах Государственного банка. Такие сведения предоставляет американский Ежегодный отчет директора монетного двора.

Известно, что на 1 января 1914 года на балансе в Государственном банке было банковскими монетами 40,0 млн рублей, в обращении находилось 122,7 млн рублей; разменными серебряными монетами 16,5 млн рублей, в обращении находилось 103,1 млн рублей¹⁴³.

На 1 января 1916 года на балансе в Государственном банке числилось банковскими монетами 10,1 млн рублей, в обращении было 145,4 млн рублей; разменными серебряными монетами числилось 15,0 млн рублей, в обращении было 161,8 млн рублей¹⁴⁴.

Поскольку также известно, сколько было изготовлено монет в последний, 1914 год производства массовой банковской монеты — на 0,8 млн рублей, то можно проверить, произошла ли передача в передел из изъятых из обращения монет или искомые 8 млн рублей взяты из старых запасов предположительно «некондиции» Государственного банка.

Рис. 20. Персия. 5 кран (5000 динар). 1902. СПб. На аверсе на кончиках венка инициалы А. А. Грилихеса («АА» и «Г»)

Запас банковской монеты за два года сократился на 30 млн рублей, и в обращении должно было оказаться 153,4 млн рублей, однако реально денежная масса увеличилась только до 145,4 млн рублей. Разница составила 8 млн рублей ($122,7 + (40 + 0,8 - 10,1) - 145,4 = 8$), что позволяет считать, что использованный И. Г. Спасским отчет Лондонского монетного двора отразил имевшее место событие. Поскольку количество банковской монеты на протяжении 1916 года не возросло и даже медленно уменьшилось на 1 млн рублей, надо полагать, что и оставшиеся резервы в банковской монете — приблизительно 8 млн рублей (с учетом данных анализа временного ряда), состоящие на балансе Государственного банка, были отправлены в передел.

Стоит вспомнить, что в 1915 году монетным двором был принят заказ на чеканку серебряных 900-й пробы 5-крановых монет (5000 динаров), выполнить его планировалось в 1916 году, но работа над ним продолжалась и в 1917 году (ранее, в 1902 году, 5-крановые монеты уже чеканили в Петербурге; см. рис. 20)¹⁴⁵. Сам факт передачи на монетный двор монет 900-й пробы для переплавки монет из резерва Государственного банка еще не говорит о производстве из них российской разменной монеты 500-й пробы. Они вполне могли быть использованы для производства персидских монет той же 900-й пробы. Однако количество произведенных в 1915–1916 годах полутуманов (3 млн рублей) значительно меньше количества отозванной монеты (8,3 млн рублей). Известно, что произведенные и сданные в казну в 1915 году иранские монеты соответствовали в пересчете на рубли 0,6 млн рублей, в 1916 году — 1,1 млн рублей (из 2,4 млн рублей произведенных), в 1917 году — 7,3 млн рублей, в 1918 году — 0,4 млн рублей (таблица 7).

Таблица 7. Сдача Санкт-Петербургским монетным двором готовой 5-крановой иранской монеты в казну в 1915–1918 годах (5 кран — 23 г, 1 рубль — 20 г)¹⁴⁶

Год	Штук монет	В рублях	%
1915	500 000	575 000	6,1
1916	945 153	1 086 926	11,6
1917	6 371 631	7 327 376	78,2
1918	326 000	374 900	4,0
Всего	8 142 784	8 989 302	100,0

Тезис о «блокировке» в Казначействе поступлений в виде банковских монет подтвержден быть не может, поскольку для этого требуется найти соответствующий нормативный акт.

Что касается производства медной монеты, которое, как полагают, прекратилось в 1917 году, то оно не прекратилось. Действительно, штемпелей четвертушек вообще не делали, а штемпели полукопеечников 1917 года существуют, но настоящих монет до сих пор никто не видел, и есть сомнения в подлинности известных в монетах 2 и 3 копеек 1917 года¹⁴⁷. Но производство продолжалось обычными годовыми объемами штемпелями с датой «1916»: было выпущено и передано в казну до конца августа 1917 года 5 копеек медью на сумму 45 тыс. рублей, 3 копейки — 175 тыс. рублей, 2 копейки — 210 тыс. рублей, 1 копейка — 285 тыс. рублей, даже еще в январе — феврале 1918 года монет номиналом 1 копейка было выбито 7 тыс. рублей, которые были сданы в казну в начале марта того же года¹⁴⁸. Однако не удалось найти сведения: была ли произведена эмиссия этих монет в банковском смысле этого слова, то есть были ли они полностью введены в денежное обращение или частично остались запасом разменной монеты на балансе Наркомата финансов. В любом случае, сравнивая производство в военные годы серебряной и медной разменных монет, можно утверждать, что ставка на медные монеты не делалась.

В Государственном банке запас разменной медной монеты с 1,4 млн рублей на 1 января 1914 года уменьшился до 0,3 млн рублей на 1 января 1916 года при наличии ее в обращении на сумму 21,9 млн рублей¹⁴⁹.

Вряд ли при накоплении делалась ставка на медные монеты, о чем ясно говорит сельский корреспондент М.Горького в марте 1918 года:

«— Но чего же стоят теперешние деньги?»

— Не беспокойтесь, это учтено! Деньгами не дорожат, их не прячут: мелкие, разменные бумажки держат при себе, а крупные суммы обращают в имущество, покупают все, что имеет более или менее устойчивую цену. А посмотрели бы вы, как заботится новый мужик о приобретении и размножении скота!»¹⁵⁰

Впрочем, в этом же номере столичный автор газеты «Новая жизнь» Я. Пилецкий пишет о необходимости твердых денег и накоплении на селе монет разных металлов: «Мы не знаем, появятся ли кожаные деньги, как у древних славян, или выплывут на свет припрятанные золотые, серебряные и медные монеты, но знаем одно: такой момент должен скоро наступить»¹⁵¹. Эти походя брошенные слова можно понять как утверждение о тезаврации медных монет и об отсутствии их в обращении. Но есть и другие свидетельства: накануне отречения Николая II 2 (15) марта 1917 года будущий белорусский художник, в то время воинский фельдшер, Язэп Дроздович в командировке в Москве посещает музеи и взбирается на колокольню Ивана Великого за пять копеек¹⁵², в своих воспоминаниях 1910–1918 годов он никаких неудобств из-за отсутствия или нехватки мелких монет во время войны не отмечает.

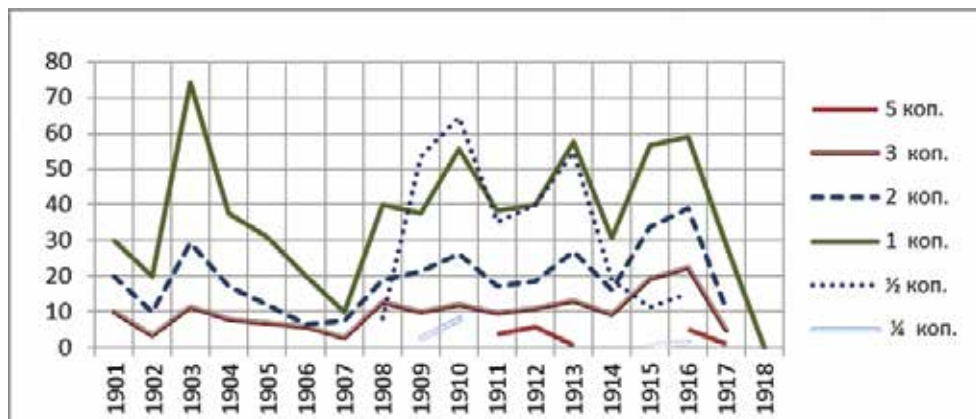

Рис. 21. График объемов производства разменных медных монет Российской империи в XX веке по М. И. Смирнову¹⁵³ и Н. С. Моисеенко¹⁵⁴ (млн экз.)

Медные номиналы делались по стопе 50 рублей из пуда меди при цене в начале XX века пуда меди 14–17 рублей¹⁵⁵, то есть чтобы цена меди в монете и цена меди в слитках сравнялись, необходимо было трех-четырёхкратное повышение цены на медь. Судя по индексу товарных цен, условия равенства меди в монетах и меди в слитках начали складываться только к концу 1916-го — началу 1917 года. С ростом инфляции и сокращением производства меди в годы войны в два раза (20,8 тыс. тонн в 1916 году против 39,7 тыс. тонн в 1913 году¹⁵⁶) должна была расти цена, однако медь попала в категорию товаров с фиксированной ценой. В объяснении исчезновения «копеек» ничем не подтвержденная их тезаврация или очевидный повышенный спрос населения особой роли не играют.

В действительности вывести медные копейки из обращения должно было исчезновение необходимости размена рубля, то есть превращение рубля в настолько мелкую единицу, что необходимость в денежных знаках достоинства $\frac{1}{4}$ копейки — 5 копеек просто исчезала. Например, в Астраханском крае в январе 1917 года конный стражник получал жалованье из расчета 1 рубль 25 копеек в день¹⁵⁷, а уже в середине 1918 года там же на содержание больных военнопленных в госпитале выделялось 5–6 рублей¹⁵⁸, что ставило под вопрос необходимость медных номиналов в обращении.

О денежном обращении российской разменной монеты в 1915–1916 годах свидетельствуют клады монет периода Первой мировой войны, найденные в Беларуси¹⁵⁹.

Таблица 8. Монетные клады Первой мировой войны, найденные на территории Беларуси и сопредельных областей России

№	Место находки	Младшая монета / год находки	Кол-во	Номиналы	Музей	КП
1	г. Клецк Минской обл.	1903/1999	110	10 руб.	Клецкий историко-краеведческий музей	Акт приема б/н от 04.04.2001
2	д. Княжицы Могилевского р-на	1915/1991	119	5 (Ag), 10, 15, 20, 50 коп., 1 руб.	Могилевский областной краеведческий музей (МОКМ)	КП 29511
3	д. Николаевка Могилевского р-на	1915/1978	158	1, 2, 3, 10, 15, 20 коп.	МОКМ	КП 21652
4	г. Краснополье Могилевской обл.	1915/1961	2211	1, 2, 3, 5 (Cu), 10, 15, 20 коп., 15 коп./1 золотый, 1 геллер	МОКМ	КП 6089
5	Могилевская обл.	1915/1970	143	1, 2, 3, 10, 15 коп.	МОКМ	КП 14469-14474
6	г. Могилев	1916/1990-е	50	2, 10, 15, 20 коп.	МОКМ	КП 10796
7	с. Мокрое Быховского р-на Могилевской обл.	1916/1962	521	10, 15, 20 коп.	МОКМ	КП 7171
8	д. Черневичи Барановичского р-на Брестской обл.	1918/1973	1877	$\frac{1}{2}$, 1, 2, 3, 5 (Cu), 5 (Ag), 10, 15 коп., расчетные марки 10, 15 коп., 1, 2, 3 остокопейки, 2 филлера, 2 хеллера, 1, 2, 5, 10 пфеннигов, 20 фенигов	Нумизматический кабинет исторического факультета Белорусского государственного университета	Колобова И., 2005 ¹⁶⁰
9	Смоленск	1915/2009	4867	$\frac{1}{3}$, 1, 2, 3, 5 (Cu), 10, 15, 20, 50 коп., 1 руб.	Смоленский государственный музей-заповедник	СМЗ КП 35788
10	г. Гагарин Смоленской обл.	1915/2005	281	10, 15, 20, 50 коп., 1 руб.	Объединенный мемориальный музей Ю. А. Гагарина	ММГ К4252/1281

Нетрудно заметить, что при простонародном курсе 1 копейка = 2 пфеннига, серебряные монеты Германской империи достоинством 5, 2, 1 марка, 50, 20 пфеннигов, никелевые 10, 5 пфеннигов, медные 2, 1 пфенниг¹⁶¹ прекрасно соотносились с номиналами Российской империи, что повлекло некоторое их вовлечение в денежную массу оккупированных и прифронтовых территорий, как это видно по составу кладов. Это же касается и монет Австро-Венгерской империи.

Белорусский поэт Максим Богданович, современник событий, в одном из «Маленьких фельетонов» под заглавием «Нумизматы» однозначно назвал, кто имеет возможность изымать монеты из обращения, в том же произведении он оценил состояние денежного обращения Ярославля в марте 1916 года в сегменте разменных номиналов:

«Некогда Державин, играя словами, писал:

«Надо бы беречь монету Белую про черный день».

Ныне Державина не читают, но монету тем не менее берегут.

По рукам ходят только кредитки да марки — грязные, засаленные, истрепанные.

Нет серебра, даже «медь звенящая» — и та попадает редко.

А о золоте и говорить нечего. Его совсем не видно.

Звонкая монета усиленно чеканится. Особое внимание обращено на выпуск «разменных» металлических денег. Тысячи пудов их переходят с монетного двора в руки населения. Переходят — и исчезают.

Разменная монета в стране есть. Но в обращении ее нет.

Появились особые любители, собирающие и прячущие ее:

Нумизматы.

Только прежде нумизматы интересовались исключительно старинными деньгами. Позеленевшими медяками, величиной с добрую ватрушку, серебром, чеканным при царе Горохе или Берендее V.

А это нумизматы новейшей формации. Они отнюдь не брезгуют монетами современного происхождения. Наоборот, именно эти-то монеты и привлекают внимание.

В Крыму, на Коктебельском побережье, где попадают мелкие драгоценные камни, помню, видел я несколько дам, тихо идущих и с напряженным вниманием, не отрываясь, всматривающихся в прибрежный гравий. И до сих пор не могу забыть, как одна из них рванулась вперед, упала и прикрыла рукой какую-то кучку камней: видимо, нашла яшму или сердолик.

И вот это движение жадности мне довелось видеть опять, несколько дней назад, в молочной лавчонке; расплачиваясь, я положил мелкую серебряную монету, и лавочница вдруг рванулась к ней, схватила и начала просить — не могу ли я дать еще серебра или хоть меди.

Вот те руки, попав в которые, монета не скоро выйдет на Божий свет.

Ибо, как говорит пословица, не все на Руси караси — водится и щучий род.

Теперь одной из заповедей для этого рода стали слова:

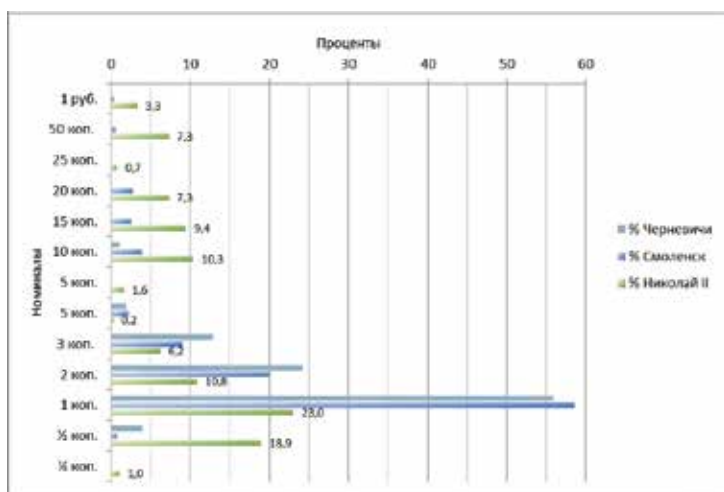
Приподержи денежку, а то укатится.

И они попридерживают»¹⁶².

Но так и хочется спросить классика: «А ты сам торговал мелкой розницей, ты испытывал проблемы от невозможности дать сдачу, ты не испытывал отчаяния, когда от тебя покупатель уходил к другой лавочке, где была разменная монета? И откуда у тебя пять копеек, когда их нет в обращении, если не из сдачи?»

По итогам сравнения «купюрного» состава кладов из Смоленска 1915 года по младшей монете и деревни Черневичи Барановичского района Брестской области 1918 года по младшей монете и долей номиналов в продукции монетных дворов, которые участвовали в монетной программе времени царствования Николая II, можно уверенно говорить, что они не относятся к накопительнымкладам. Если бы после замедления скорости обращения (то есть тезаврации) банковских монет и даже серебряных пришел черед выступать в этом качестве медным монетам, то в этих кладах доля медных монет номиналом $\frac{1}{2}$ копейки увеличилась бы пропорционально увеличению доли монет номиналом 1, 2, 3, 5 копеек. Наблюдается в реальности увеличение доли монет номиналом 1, 2, 3, 5 копеек и уменьшение доли монет номиналом $\frac{1}{2}$ копейки (рис. 21, таблица 9) — вероятно, $\frac{1}{2}$ копейки вследствие инфляции ушла из обращения как нефункциональная, возможно, целенаправленно изымалась правительственными финансовыми учреждениями. Для сравнения используются только монеты времен Николая II, поскольку монеты его царствования составляли 90% в денежной массе к моменту сокрытия кладов, значимое количество приходится на номиналы 2, 3 копейки (около 15%) двух предшествующих правлений, и подавляющее большинство медных пятаков относится к царствованию Александра II (1855–1881). Поскольку закон убывания монет предшествующих правлений неизвестен, то будет разумно пользоваться имеющейся статистикой выпуска монет времен Николая II без коррекции, что даст заведомо более точные результаты.

Рис. 22. Долевое распределение номиналов в кладах из Смоленска 1915 года (ТРQ), деревни Черневичи Барановичского района Брестской области 1918 года (ТРQ) и в генеральной совокупности монет времени царствования Николая II

Таблица 9. Отклонение долевого распределения номиналов в кладах из Смоленска 1915 года (ТРQ), деревни Черневичи Барановичского района Брестской области 1918 года (ТРQ) и долей номиналов в генеральной совокупности монет времени царствования Николая II

Номинал	% Николай II	% Черневичи	% Смоленск	Отклонение Черневичи	Отклонение Смоленск
1 рубль	3,3		0,2		7%
50 копеек	7,3		0,5		6%
25 копеек	0,7				
20 копеек	7,3		2,7		37%
15 копеек	9,4	0,1	2,5	1%	26%
10 копеек	10,3	1,0	3,9	10%	37%
5 копеек	1,6	0,1		3%	
5 копеек	0,2	1,9	2,1	791%	856%
3 копейки	6,2	12,9	9,0	208%	146%
2 копейки	10,8	24,2	20	223%	185%
1 копейка	23,0	55,9	58,6	243%	255%
½ копейки	18,9	4,0	0,7	21%	4%
¼ копейки	1,0				

Тезаврацию золотых монет можно подозревать в случае клещего клада, из которого в музей попало 10 экземпляров. Учитывая, что последним годом действительно массового производства золотой монеты периода царствования Николая II был 1904 год, время сокрытия западнобелорусского клада может быть датировано от даты младшей монеты до первых лет Второй мировой войны.

Собственно, кладов с золотыми монетами Российской империи найдено довольно много: из 31 переданного в Гохран СССР найденного в БССР клада — 22 клада золотых монет Российской империи и один смешанный с банковскими серебряными монетами (судя по указанному общему весу и количеству — преимущественно с полтинниками, скорее всего, было 127 полтинников и 2 рублевика)¹⁶³. Однако известно использование в денежном обращении золотых монет Российской империи на «Кресах» межвоенной Речи Посполитой¹⁶⁴, что не позволяет их по имеющейся информации безоговорочно относить ко времени Первой мировой войны. В первую очередь это касается находок в зоне массовой эвакуации населения — нынешних Брестской и Гродненской областях¹⁶⁵, на территории которых нет кладов медных, разменных и банковских серебряных монет времен Николая II, но они же встречаются в кладах 1939 года — времени начала Второй мировой войны. В отличие от БССР, где золотые монеты целенаправленно поглощались Торгсином, в Западной Беларуси их участие в платежах и тезаврации было почти официальным, и Национальный

банк реализовывал населению с целью стабилизации национальной валюты золотые «иглы» США (десятидолларовые монеты).

Целенаправленный отбор серебра виден в кладе из деревни Княжицы Могилевского района, в котором есть, с одной стороны, серебряный разменный пятикопеечник 500-й пробы, с другой стороны, банковские монеты 900-й пробы 50 копеек и 1 рубль. В остальных кладах полтинники и рублики не встречаются.

Известно, что изъятием из обращения банковской монеты в передел на разменную монету занималось Государственное казначейство: в 1914 году было изъято ее на 8,28 млн рублей, что при переделе давало разменной монеты на 14,9 млн рублей (номиналами 5, 10, 15, 20 копеек), что и толкало казначейство к «сырьевому каннибализму». Естественно, вскоре банковская монета действительно перестала передаваться населением в государственные платежи (но не изъята из денежного обращения) — в 1915 году ее удалось собрать только 27500 рублей¹⁶⁶.

Следует помнить, что во времена СССР пункты скупки драгметаллов принимали исключительно банковские монеты. Кроме того, монеты 900-й пробы могли использоваться для изготовления ювелирных изделий в отличие от разменных 500-й пробы, сплав которых имеет желтый цвет. Из-за действия этих факторов нельзя быть уверенными в «чистоте» информации о составе кладов советского времени только с разменными серебряными монетами.

Тем не менее, судя по младшей монете, треть «копеечных» кладов сокрыта не ранее 1916 года (ТРQ), что неопровержимо свидетельствует об использовании разменных серебряных монет еще в 1916 году.

Надо отметить, что среди упомянутых белорусских кладов нет массовых разменных серебряных монет 1917 года — возможно, они не поступали в регион. Также в шести кладах среди разменной серебряной монеты нет банковской (за исключением одного), но есть медная независимо от года младшей монеты (за исключением двух).

В воюющих странах происходили подобные процессы в налично-денежном обращении, о чем свидетельствует член русской «парламентской» делегации депутат Государственной думы А. И. Шингарев в середине 1916 года в своем отчете: «Во Франции я отправился к министру финансов Рибо и имел с ним разговор довольно продолжительный. [...] Начал я беседу о положении бумажного обращения и спросил, каково его мнение о дальнейшем выпуске бумажных денег, и как он намерен их потом ликвидировать. Он сказал: «Да, у нас выпуска почти столько же, сколько у вас. У нас выпущено почти 15,5 миллиардов, у вас около 16 миллиардов франков бумажек». Я сказал: «Да, но Франция значительно меньше. В России на голову населения, на площадь приходится неизмеримо меньше, чем у вас. У нас 16 миллиардов франков на 170 миллионов населения, а у вас на 35 миллионов, затем пространство Франции ничтожно по сравнению с пространством России, и наше бумажное денежное обращение требует, несомненно, больше

бумажек, ибо и медленность его больше». «Да, верно, — сказал Рибо, — но это нас не тревожит, потому что население прячет, как и всякие деньги, на всякий случай: оно привыкло сберегать, часть несет в сберегательные кассы, в банки, а часть прячет. Мы знаем, что огромная масса бумажек спрятана, ибо циркуляция немногим превышает то, что было до войны»¹⁶⁷.

Подводя общие итоги исторического экскурса, можно сказать следующее:

1) В уменьшении довоенного количества монет из золота виновны прежде всего **Государственный банк** и **Государственное казначейство**. Тезавратором золотых монет всех номиналов являлся Государственный банк Российской империи, равно как и изъятием серебряных монет 900-й пробы из обращения с целью переделки в разменные 500-й пробы занималось Казначейство Российской империи.

2) Тайное изъятие золотых монет началось **за год до начала Первой мировой войны** блокировкой поступающей из обращения монеты и продолжилось в явном виде после ее начала (выкуп золотых монет с премией).

3) Накопление населением оперативных запасов разменной монеты **перманентно** и неизбежно в рамках текущих накоплений, долговременные накопления населения обслуживались крупнономинальными купюрами и оставшейся в обращении после прекращения размена государственных кредитных билетов золотой монетой. Без них невозможно денежное обращение как таковое, накопление — вторая сторона медали¹⁶⁸. Золотые монеты, оставшиеся на руках у населения, сохраняли мобильность в отличие от блокированных Государственным банком. Именно долговременные многомиллиардные накопления денежных средств сельским населением (к 1914 году 86% населения страны) в первые два с половиной года войны в кубышках и сундуках, а городскими жителями — в сберегательных кассах¹⁶⁹ сделали возможным эмиссионную прибыль в это время за счет отсроченного спроса. Переход отчаявшейся деревни к началу 1918 года на натуральный обмен исчерпал возможности финансирования расходов государства за счет эмиссии необеспеченных денежных знаков.

4) Инфляцию вызвала не тезаврация населением золотой и серебряной монеты, а гигантский **вброс необеспеченных бумажных денег** в денежное обращение Российской империи в обмен на потребленные в производственных целях материальные средства наряду с сокращением объемов товарного производства.

Еще в ноябре 1914 года в публичной лекции крупный российский экономист П. И. Лященко предрекал Германии восставших немцев на берлинских бульварах и финансовый крах: «Еще хуже обстоит вопрос с денежной и финансовой стороной войны, так как чрезмерное напряжение финансовых нитей кредита, займов, денежного обращения может разорвать всю систему и привести к крушению экономической силы войны»¹⁷⁰. Предсказание оказалось верным и для России.

Собственно, после фундаментальной многотомной работы конца XIX века номинированного на Нобелевскую премию 1901 года (вместе с Ф. Ф. Мартенсом и Николаем II) и ныне прочно и, похоже, навсегда забытого гениального в своих предвидениях банкира и деятеля международного движения за мир И. С. Блюха, назвавшего даже точный курс рубля к окончанию мировой войны, можно было не то что больше не предсказывать, можно было уже и не воевать понапрасну¹⁷¹. Именно в этих трудах черпали вдохновение и веру в свое светлое будущее лидеры деструктивных социал-демократических движений, творцы Октябрьского переворота в Российской республике А. Л. Парвус-Гельфанд, Л. Д. Троцкий-Бернштейн, В. И. Ульянов-Ленин.

IV

11. Судьба монет за пределами хронологических рамок произведения

Дальнейшая судьба монет Российской империи неожиданна — они не исчезли физически, они просто стали никому не нужными.

По прибытии в Читу в конце февраля 1920 года отступающих белогвардейских формирований состоялись похороны скончавшегося в походе генерала Каппеля. Сохранилось описание похорон: «У гроба генерала Каппеля, стоявшего в часовне на Соборной площади, была густая толпа. Люди подходили и уходили. На полу, около гроба, все росла кучка денег, неизвестно кем начатая, — измятые, опущенные из трудовой ладони бумажки, *неходящие* (выделено мной. — И. С.) ныне медяки и гривенники — кто что мог»¹⁷².

Правда, в начале января 1920 года там же, в Сибири, трофейные серебряные разменные монеты приняли «союзные» белочехи от бойцов Ижевского конного полка каппелевской Сводной армейской группы в оплату за овес: «При пересечении железной дороги была встреча с чехами. Их эшелон стоял около переезда. В нем было несколько конских вагонов. Один из всадников спросил у чехов, не смогут ли они дать немного овса. Те ответили, что есть только для себя. «А если я заплачу вам серебром?» — задал вопрос всадник. Лица у чехов сразу прояснились: «О, мы очень бы хотели привезти домой на память русские серебряные монеты». Быстро организовали торг, и была установлена цена на овес». За мерку величиной примерно в гарнец взималась плата «на память», что-то около 30 копеек. Захваченное под Красноярском серебро пригодилось, чтобы подкормить наших верных походных друзей¹⁷³. Но вскоре бойцы раздавали монеты местному населению: «В день прихода в Узкий Луг многие Ижевцы Конного полка попали вечером на свадебные пиры. Гостеприимные хозяева любезно их встречали и угощали. Ижевцы же, как разбогатевшие под Красноярском захваченным от красных серебром, щедро делились с собравшимися блестящими гривенниками, пятиалтынными и двугривенниками»¹⁷⁴.

Отказ от монеты как средства обращения наблюдается в советской Москве. В отчете Московской чрезвычайной комиссии за период с 1 декабря 1918 года по 1 ноября 1920 года говорится:

«2) борьба со спекуляцией

- а) Арестовано за спекуляцию 26 692 [...]
- б) Конфисковано предметов спекуляции
Золотой монетой — 17726 руб.
Серебряной монетой — 14 103 р. 85 к.
Медной монеты — 29 пуд. 21 ф. 23 зол. 53 д.
Кредитными деньгами — 28853 639 р. 80 к.
Фальшивыми деньгами — 2 146 414 р. 65 к.
Иностран. кред. денег — 1 133 шт.
Зол. иностр. монеты — 141 шт.
Серебряных мон. — 1 597 шт.
Метал. мон. — 1 178 шт.
Иностран. процент. бумаг — 356 листов.
Анулир. купонов — 227 860 р. 79 к.
Золота в слит. и изделиях — 9 ф. 39 зол. 41 доля.
Серебра — 19 п. 25 ф. 72 зол. 40 д.»¹⁷⁵

Другими словами, золотые, серебряные монеты и денежные знаки оцениваются в рублях и копейках по номиналу, а медные монеты (почти полтонны) на сумму 1476 рублей 66 $\frac{1}{4}$ копейки с невероятной точностью по весу в пудах и его фракциях, как золото и серебро в слитках и изделиях¹⁷⁶. На одного «спекулянта» пришлось 5 $\frac{1}{2}$ копейки медными монетами и 53 $\frac{3}{4}$ копейки серебряной монетой, 66 $\frac{1}{2}$ копейки золотом, но 1081 рубль кредитными деньгами; все металлические монеты в рублевом счете по номиналу составляли только 0,01% от общей денежной суммы при 30,7% на начало 1914 года.

К этому времени даже золотые имперские монеты с падением империи потеряли свои потребительские качества и перестали служить средством платежа, превращались в обычный товар, нисколько не желая сбрасывать «национальные мундиры» на чужой территории: «Охрана золотого запаса чехами была установлена — после ареста верховного русского правителя — своя. По прибытии золота в Иркутск оказалось, что один вагон, наполненный ящиками, содержащими золотые монеты 5-рублевого достоинства, всего тысячу пудов, и находившийся под охраной чешских солдат, совершенно расхищен. [...] Во всяком случае, **падение цен на золото и на золотые монеты**, отмеченное в те месяцы в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной] дороги, объясняется именно тем обстоятельством, что на рынке появились в огромных партиях золотые монеты, которые спешно разменивались чехами проходивших эшелонов на американскую и японскую валюту»¹⁷⁷.

Собственно, золотые российские монеты начали превращать в товар официальные распоряжения российских властей о скупке золотых монет **в 1915 году с 30%, а в 1916 году с 45% «премией»**¹⁷⁸.

Более того, после Октябрьского переворота правительство большевиков декретом № 605 (статья 8) от 25 июля 1918 года «О спекуляции» запретило

даже *хранение серебряных и золотых монет*: «Виновный в неразрешенных законом сбыте, покупке или хранении платины, или серебра, или золота в сыром виде, в слитках или в монете подвергается наказанию лишением свободы на срок не ниже 10 лет, соединенным с принудительными работами и конфискацией всего имущества»¹⁷⁹.

12. После всего сказанного

Произведение Карела Ванека «Приключения храброго солдата Швейка в русском плену» в значительной мере носит автобиографический характер, поскольку прототипом Швейка этого периода является он сам, бывший австрийский военнопленный. Его литературный герой повторяет его судьбу, его перемещения по территории Российской империи. Беллетристический жанр требовал от автора ярких живых зарисовок жизни военнопленных и самой империи.

Особенностью произведения является насыщенность повествования денежной терминологией — денежные термины встречаются более сотни раз. У Ярослава Гашека в повести 1917 года «Бравый солдат Швейк в плену» (*Dobrý voják Švejk v zajetí*) нет упоминания рублей и копеек (повесть кончается эпизодом пленения Швейка), шесть 6 раз упоминаются кроны, 5 раз — просто обезличенные деньги. Российские денежные номиналы в романе Карела Ванека упоминаются более сотни раз, австрийские кроны и геллеры — 13 раз.

В романе видна деградация налично-денежного обращения Российской империи во время Первой мировой войны. Следует, однако, признать, что в реальности Карела Ванека картина значительно оптимистичнее, чем в ряде специальных исторических работ¹⁸⁰.

Надо отметить, что представление о стабильности цены золота, которое комплексно входит в убеждение о критической роли отказа от размена кредитных билетов на золотые монеты, не имеет основания¹⁸¹.

В Советской России снижение цены золота по сравнению с уровнем товарных цен оценивается в территориальных вариациях и с учетом естественного сезонного колебания сельскохозяйственного цикла в 2–5 раз к 1920 году по сравнению с довоенным уровнем¹⁸².

Мне близко понимание тезаврации американского экономиста австрийской школы Мюррея Ротбарда: «В действительности, однако, деньги не «циркулируют». Они время от времени передаются от одного человека другому, перемещаясь из запаса наличности одного в запас наличности другого. Еще раз повторим, от желания людей хранить запас наличности зависит само существование денег»¹⁸³. Я считаю, что тезаврация не есть преступление против денежной системы государства, а ее необходимый элемент, поиск виновников проблем денежного обращения в гражданском обществе есть перекладывание с большой головы на здоровую.

Использование золотых монет в качестве инструмента для тезаврации (сохранения стоимости) было доступно далеко не каждой семье в Россий-

ской империи. На 1 августа 1914 года у населения было в распоряжении золотых монет на сумму 464,1 млн рублей, или около 15 рублей на семью ($461,1/164,4 = 2,8$ рубля). Учитывая, что в 1915 году на питание беженцу выдавалось 20 копеек в день, то этой суммы с учетом 30% лажа хватило бы для питания средней семьи менее чем на три недели. Монет элементарно не хватило бы для всех в империи.

Поскольку за два с половиной года — с начала войны до конца 1916 года — удалось изъять из оборота 25,1 млн рублей золотом, то можно сделать заключение, что их отдали те, у кого это были последние деньги, отложенные на черный день.

Концентрировать в своих руках тезаврационные запасы золотых монет могли только люди состоятельные, иначе все монеты из денежного обращения по прошествии нескольких лет попали бы в казну естественным образом, по причине возникшей нужды в средствах для жизни. В наиболее удобном положении оказались занятые в сфере торговли, поскольку им не приходилось прибегать к услугам черного рынка.

Из рассмотренного в статье, вышедшей за рамки формального анализа одного произведения, **можно отметить как особо интересное следующее:**

Изменение состава денежной массы Российской империи (необъявленное изъятие золотых монет) свидетельствует о начале подготовки к войне за год-полтора до возникновения открытого вооруженного противостояния держав.

Кризис разменной денежной наличности (равно как монет, так и мелких бумажных номиналов) в Гомеле произошел лишь зимой 1916/1917 годов.

Степень неоднородности денежного обращения в разных частях Российской империи увеличилась в ходе войны 1914–1918 годов — на юге империи вводятся массово денежные суррогаты серебряных монет, в Средней Азии массово используется в платежах серебряная разменная монета.

Избирательное насыщение российскими денежными суррогатами украинских губерний (свидетельством чего является все описание белорусского витебско-гомельского анабазиса Швейка) заставляет осторожно задуматься об оценке российским верховным командованием возможности защиты этих территорий от территориальных посягательств противника уже в 1915 году.

В Российской империи военнопленным было возможно обменять кроны на рубли, в лагере военнопленных присутствовали как элемент жизнеобеспечения российские деньги.

Удивительным является отсутствие сведений о наличии лажа на серебряную монету в Российской империи в годы Первой мировой войны, в отличие от появившейся в подобных условиях практики разных курсов на серебряный и ассигнационный рубль конца XVIII — первых четырех десятилетий XIX века. Возможно, что эта особенность создала в 1916–1917 годах объекты для действия закона Коперника: очевидно, что серебряный рубль представлял большую материальную ценность, чем 40-рублевая керенка.

Падение покупательной способности рубля за время от вступления Российской империи в Первую мировую войну и до Февральской революции 1917 года не являлось чем-то экстраординарным — рубль накануне Февральской революции 1917 года сохранил треть своей покупательной силы¹⁸⁴, что вполне сопоставимо с положением ассигнационного рубля в первой трети XIX века.

Представление, что от вызванной войной финансовой разрухи страну спас Октябрьский переворот, генерировано советскими идеологами: в действительности проблемы с денежным обращением начались после Февральской революции, а катастрофа наступила после Октября.

Приложение. Упоминание копеек (корёжки) в романе Карела Ванека «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену»

Фрагменты приведены по прижизненному изданию. Роман был издан в двух частях с отдельной пагинацией, обозначение частей S. 1-00, S. 2-00. Все денежные номиналы выделены курсивом.

S. 1-19. Šest tisíc zajatců, jimž příkaz armádního velitelství velel dát v Šumsku oběd, chleba, cukr a čaj, anebo v případě nemožnosti vyplnění nařizoval vyplacení po *dvacetipěti kopějkách na muže*, dělalo plukovníku Lazarevovi nemálo starostí.

S. 1-84-85. Moh jsem je už prodat za *deset kopějek*, ale očekával jsem, že prozřetelnost pošle kupce lepšího.

S. 1-107. Zajatci odvažovali se již i na peron, kde leckdo dal jim *kopějku*, bulku nebo kostku cukru a odkud je ruští strážníci vyháněli, dávajíce jim rovnou dlaní rány za krky, jako králíkům.

S. 1-118. Švejka, který svym ubezpečováním o tom, jaký je Slovan, když zůstával pozadu na nádražích, sehnal plnou *kapsu měděných jedno-, dvou- a čtyřkopějek a i trochu stříbrných deseti- a dvacetikopějek, k půltinám a několika rublíkům nehledě*, přivedla z města ku vlaku patrola.

S. 1-118. Husa je za *půltinu, slepice za patnact kopějek a pečeněj zadek ze zajíce za deset kopejek* mám pod čepicí. V brotsaku mam čaj, cukr, machorku; taky mam za *pětatřicet novej čajnik*.

S. 1-121. »A nepovezu do Prahy ani *krejcar!*« přísahal odhodlaně, ohmatávaje kapsu s *kopějkami*.

S. 1-200. »Máte *deset rublů*,« a tu volal slavnostně, »a na Sibíři, kamarádi, je za *dvě kopějky* funt chleba, za *kopějku* dvě vejce, za *pětník* zajíc, za *šesták* metr krakovskýho salámu, vody v kypjatokách k nevypití, machorka za *čtyrák!* Za *deset rublů* přežijete tam zimu jako baróni!«

S. 1-236. »Koukejte, kluci, to jsem koupil za *patnact kopějek*.«

S. 1-243. »Dejte *pár kopějek*, já skočím do lávečky!«

S. 2-50. Vzadu v zástupu plakal dobrý voják Švejk a přijímaje od lidí *tří- a pětikopějky*, bulky a slunečnice, ujišťoval, že nemůže pro vojáka být nic lepšího, než se dát na posici zastřelit.

S. 2-64. Dědek, který ohříval vodu na čaj, byl zkorumpovaný tak, že tomu, kdo nemohl dát *kopěječku*, horké vody natočit nedovolil a zajatci posílali na bazar se sebe prádlo a kde jaký kus rezervního munduru.

S. 2-111. »Nemám, holubčík, nemám; ani *kopějky* není. Jestli chceš, odmiluj si to; zboží za zboží!«

S. 2-112-113. »Neni tu; *kopěječka* by ze mě nevypadla, kdybys třikrát se mnou o zem uhodil. Ale, chlapečku můj, vezmi za mě krém »Metamorfósu«. Lékárník mi přines, on jiným neplatí. Okrádá mě, podlec! Sám za *pár šestáku* koupí a mně místo *rublů* nacpe! Líto mi, děti, *peníze* nejsou.«

»My chodíme jak zvací vejboři,« řekl po půl hodině Švejk, když vyšli od jiné kněžky lásky, která nabízela jim za prstýnky kolínskou vodu a starou šněrovačku, přidávajíc k ní polámané, »fišpany«. Hořin si vztekle odplivl:

»Víc nelezu nikam! Pojd' me na bazar, vojákům a bábám to prodáme!«

A tam za chvíli, když své poklady ukázali, byli obklopeni hromadou holek a bab, vybíračích z jejich tovaru. Švejk prodával, Hořin bral *roztrhané pětikopějky* a *ušpiněné dvacetikopějky ve formě poštovních známek*.

Pozdě v noci vletěl do baráku piskloun. Byl potlučený, zkrvavený, nehty poškrábaný. Vydrápal se na pryčnu, bleskem se svlékl, šeptaje:

»Jak jste pochodili?«

»Tolik jsme nenahrabali, co ty,« dvojsmyslně odpověděl Hořin. A piskloun, lapaje dech, zvěstoval: .

»Byl jsem u Ziny. *Sto rublů* mi byla dlužna; dnes mi *padesát* dala a *padesát* abych si do rána odspal; tak jsem u ní zůstal. A teď k ní oficiři přišli a vona, abych už šel, a já, že mám zapláceno do rána. A dostali jsme se do sebe i s těmi oficiry. Ti mi ale dali.«

S. 2-135. Švejk, jsa s mydlením hotov, obtáhl břitvu a několika tahy oholil plukovníkovu tvář, zatím co sluha přichystal do umývadla teplou vodu. Potom důstojník sahl do kapsy a vylovil *třírublovku*:

»Dva ruble nazpátek, máš?«

»Nemám, Vaše Vysokoblahorodí,« hledal Švejk po kapsách: »Jen jeden.«

»Alexandr Alexejovič,« vmísila se do toho dáma v košili, »holubčík, včera si mi řekl, že *kopějky* nemáš; a *tři ruble* u tebe. A já pudr potřebuji a on čtyři stojí. Proč, miloučký, na něj mi nedáš?«

Plukovník zaváhal. Pak vzal *rubl* ze Švejkovy ruky a se svou *třírublovkou* podal ho krasavici, promlouvaje shovívavě k holiči:

»Nu, vidíš, *rubl* od tebe se vypůjčil. Hodí se mi. Tak dva jsem ti dlužen. Příště, až oholíš, *tři* budou a pak najednou tobě zaplatím.«

S. 2-136. Nechal si ji nastoupit a promluvil k ní řečí velmi lákavou: nepošle je do práce dřív, dokud inženýři za den *dvacetpět kopějek* lidem nezavážou se platit, jak zákon přikazuje.

S. 2-179-180. Vlétl do stodoly: »Děti, nikam dnes na práci ne chod'te. O peníze vas okradli! A já vás nedám. Do míru nechám vás ležet, než bych o *kopějku* okrást vás dovolil!«

S. 2-226. »Dnes nebudu. Včera jste mě *vobrali do kopějky* a dnes jsem neprodal ani jeden prstýnek. Já mám smutek, umřel mi císař pán.«

- ¹ Матко П. О Ярославле Гашеке и Кареле Ванеке // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 95–98.
- ² Vaněk K. Osudy dobrého vojáka Švejka v ruském zajetí. Díl. I–II. Praha: Nákladem Adolfa Synka, [1927]; Ванек К. Приключения бравого солдата Швейка в русском плену. Ч. V, Ч. VI. Рига: Грамату Драуге, 1928. (Б-ка новейшей литературы; Т. XLIV, XLV.); Ванек К. Приключения бравого солдата Швейка в русском плену / Пер. с чешск. М. С. М.: Московский рабочий, 1928.
- ³ Россия в мировой войне в цифрах 1914–1918 гг. М., 1925. С. 41; Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. М., 1967. С. 15; Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 160; Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: Учебное пособие к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов, 2007. С. 32; Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230; Олейников А.В. Вклад России в победу над германским блоком в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). Автореф. ... дис. докт. ист. наук. М., 2012. С. 44; Пылькин В.А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на рязанской земле в годы мировой войны и революции. М., 2013. С. 7; Ничков Е.А. Военнопленные Первой мировой войны в Курганском уезде // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014. № 5 (29). С. 84; Суржикова Н.В. Военный плен в русской провинции (1914–1922 гг.). Автореф. ... дис. докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 3; Тихонов А.В. Условия содержания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. Вып. 2 (33). С. 60.
- ⁴ Вурцер Г. Судьба иностранных военнопленных в России при большевиках [Электронный ресурс] // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 7–8. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/ru/--gn14-07/1242-a> (дата обращения: 01.09.2019).
- ⁵ Каменский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756–1918): Справочная книга. М., 1947. С. 75–76.
- ⁶ Интернационалисты: Участие трудящихся стран... С. 15; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март — октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144. Известно, что в период Первой мировой войны среди находившихся на действительной военной службе в вооруженных силах Австро-Венгрии чехи составляли 13%, словаки — 4%.
- ⁷ Рындин С. Документы Национального исторического архива Беларуси о пребывании иностранных военнопленных на территории Беларуси в годы Первой мировой войны // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 2. С. 73–74.
- ⁸ Положение о военнопленных, высочайше утвержденное 7 октября 1914 года // Сборник узаконений о проведении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военных. Петроград, 1916. С. 1–17.
- ⁹ Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой: Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2001. С. 105–106; Калякина А.В. Использование труда военнопленных в Саратовской губернии в 1914–1917 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 99; Калякина А.В. Подданные стран — участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.). Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2013. С. 14; Пылькин В.А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи... С. 9; Соза Л.Н. Документы ЦГА Москвы о положении военнопленных центральных держав на территории Коломенского уезда Московской губернии (1916–1917 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 11. С. 100; Тихонов А.В. Использование труда военнопленных Четверного союза в экономике регионов в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний // Вестник Брянского государственного университета. История. Исторические науки. 2016. № 1. С. 123; Соза Л.Н. Военнопленные австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии (1916–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 3 (77). Ч. 2. С. 167.
- ¹⁰ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны... С. 36.

- ¹¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Т. II. М., Л., 1925. С. 189–190.
- ¹² Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). С. 141.
- ¹³ Россия в мировой войне в цифрах 1914–1918 гг. С. 4, 38–39; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М., Л., 1930. С. 68.
- ¹⁴ Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 100, 128–129. Автор определяет время получения приведенных данных как конец 1917 г. Надо полагать, что использованные автором данные относятся к 1 декабря 1916 г. Объясняет статистический парадокс следующая работа: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. С. 65. Ср.: Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой... С. 109.
- ¹⁵ Суржикова Н.В. Познавая лагерь: институциональная среда российского плена 1914–1917 гг. и проблема ее артикуляции [Электронный ресурс] // Международная интернет-конференция «Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований» [препринты сборника обзоров и рефератов]. URL: http://inion.ru/index.php?page_id=522 (дата обращения: 01.09.2019).
- ¹⁶ Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны... С. 232; Елисеенко С.М. Военнопленные Первой мировой войны на территории Енисейской губернии [Электронный ресурс] // Межрегиональная научно-практическая конференция: «Столетие Первой мировой войны: итоги, уроки, перспективы». Вязьма, 2013. <http://el.z-pdf.ru/31istoriya/75639-1-voennoplennie-pervoy-mirovoy-voyni-territorii-eniseyskoj-gubernii-world-war-prisoners-war-the-enisey-pro.php> (дата обращения: 01.07.2019).
- ¹⁷ Тихонов А.В. Условия содержания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний. С. 62.
- ¹⁸ Захаров А.В. Военнопленные Первой мировой войны в сельском хозяйстве Поволжья // Власть. 2014. № 8. С. 172.
- ¹⁹ Цит. по: Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). С. 267.
- ²⁰ Новикова И.Н. «Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55.
- ²¹ Калякина А.В. Использование труда военнопленных в Саратовской губернии в 1914–1917 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 100.
- ²² Шефер С.Я. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на территории Енисейской губернии // Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития. Красноярск, 2006. С. 165.
- ²³ Василенко В.В. Использование труда военнопленных на территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в 1915–1917 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2018. № 1. С. 98.
- ²⁴ Vermouzek R. Padělatelé rublů // Numismatické listy. 1970. № 1. S. 19–21.
- ²⁵ Способ получения однородного сплава из двух несмешивающихся жидких металлических сплавов Al-Pb. Заявка № 19712015. Германия, МПК 6 В 22 D 7/02/Bohling Peter. № 1970156. Заявлено 15.03.1997. Опубликовано 17.09.1998.
- ²⁶ Цит. по: Тюрин А.О. Охрана и надзор за военнопленными в Астраханском крае в годы мировых войн // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 180.
- ²⁷ Цит. по: Пылькин В.А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи... С. 87.
- ²⁸ Цит. по: Там же. С. 117–118.
- ²⁹ Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 — май 1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 22–24.
- ³⁰ Судя по отдельным упоминаниям, бродящие по стране русские военнопленные встречались осенью 1918 г. в Венгрии. См.: Ульяновский А.Г. В плену (1915–1918). Л., 1924. С. 138.
- ³¹ Вурцер Г. Судьба иностранных военнопленных в России при большевиках [Электронный ресурс] // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 7–8. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/ru/--gn14-07/1242-a> (дата обращения: 01.07.2019).

- ³² Бушмаков А. Военный плен в российской провинции (1914–1922): [Рец. на кн.: Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. 423 с.] // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 320.
- ³³ Цит. по: Новикова И.Н. «Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // *Военно-исторический журнал*. 2006. № 2. С. 58.
- ³⁴ Бонч-Бруевич М. Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. I. Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года. М., 1921. С. 108; *Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.* Ч. 4 / Составил А. М. Незнамов. 1922. С. 28–30.
- ³⁵ Бонч-Бруевич М. Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. II. Катастрофа в 3-й армии. М.-Л., 1926. С. 169–170, 176, 180, 181.
- ³⁶ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 419–421.
- ³⁷ Цит. по: Суржикова Н.В. Познавая лагерь: институциональная среда российского плена 1914–1917 гг. и проблема ее артикуляции [Электронный ресурс] // Международная интернет-конференция «Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований» [препринты сборника обзоров и рефератов, 2014]. URL: http://legacy.inion.ru/index.php?page_id=522 (дата обращения: 01.07.2019).
- ³⁸ Например: «Летом 1915 г. в России начал ощущаться острый недостаток разменной, серебряной, а также золотой монеты (к концу 1915 г. 10-рублевые монеты продавались за 16–17 бумажных рублей, т.е. лаж на золото составил 60–70%). ... С начала 1916 г. денежная масса в обращении состояла практически полностью из бумажных денежных знаков, количество которых быстро возрастало» (Малышев А.И., Таранков В.И., Смиранный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 75).
- ³⁹ Набег австрийцев на Каменец-Подольск // *В немецком плену: рассказы*. М., 1915. С. 140.
- ⁴⁰ Якушев Д. В плену у немцев: письма и рассказы русских военнопленных. Петроград, 1916. С. 21–22.
- ⁴¹ Овчинников И.А. Справочник для сношений с русскими военнопленными, находящимися в Германии и в Австро-Венгрии. Пг., 1916. С. 25–26; Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных: с библиографическим указателем. М., 1917. С. 36.
- ⁴² В июне 1915 г. между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией, с другой стороны, было подписано соглашение о взаимном обмене инспекционными поездками сестер милосердия по лагерям военнопленных для выяснения обстоятельств жизни военнопленных (Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой... С. 171–172).
- ⁴³ Арам К. В Сибирь со ста тысячами немцев : четыре месяца в плену у русских / Пер. с нем. [Б. м., 1914]. С. 44. Оригинал напечатан на пишущей машинке.
- ⁴⁴ Василенко В.В. Использование труда военнопленных на территории Минской и Могилевской губерний Минского военного округа в 1915–1917 гг. // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки*. 2018. № 1. С. 97–98.
- ⁴⁵ Кудрявцев А.Н., Соколов А.В. В окопах и плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны (продолжение) // *Запад-Восток*. 2016. № 9. С. 166.
- ⁴⁶ Там же. С. 167.
- ⁴⁷ Там же. С. 169, 173, 179.
- ⁴⁸ Корсак В. Плен. Париж, 1927. С. 84.
- ⁴⁹ Осенью 1916 г. в Германии военнопленному платили от 30 пфеннигов в сельской местности до 70 пфеннигов — 1 марки 25 пфеннигов на заводе (Шуберская Е.М. Доклад о положении военнопленных в Германии. Пг., 1917. С. 13–14, 15, 17).
- ⁵⁰ Кириш Ю.И. Под сапогом Вильгельма: (из записок рядового военнопленного № 4925). 1914–1918 гг. М., Л., 1925. С. 56, 58.
- ⁵¹ Щепотьев С. Под военно-полевым судом в Штеттине // *В немецком плену: рассказы*. М., 1915. С. 31.
- ⁵² Наши пленные солдаты в Германии // *В немецком плену: рассказы*. М., 1915. С. 57.
- ⁵³ В германском плену: записки сестер милосердия Е. Ч. и Н. К. Пг., 1915. С. 55.
- ⁵⁴ Ульяновский А.Г. В плену (1915–1918). Л., 1924. С. 20, 149.
- ⁵⁵ Овчинников И.А. Справочник для сношений с русскими военнопленными... С. 25.

- ⁵⁶ Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных... С. 36–37.
- ⁵⁷ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 256.
- ⁵⁸ Новикова И.Н. «Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55.
- ⁵⁹ Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных... С. 37.
- ⁶⁰ Овчинников И.А. Справочник для сношений с русскими военнопленными... С. 22–25, 28.
- ⁶¹ В плену у австрийцев // В немецком плену: рассказы. М., 1915. С. 160.
- ⁶² Федорченко С.З. Народ на войне: Фронтовые записи. Киев, 1917.
- ⁶³ Войтоловский Л.Н. 1914 и 1915: По следам войны. М., 1931; Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс: по следам войны. М., 1998.
- ⁶⁴ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. Т. III. СПб., 1882. С. 170–171.
- ⁶⁵ Подсчитано по: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 12. Ср.: Шмелев К.Ф. Денежное обращение России в годы войны и революции (1914–1921 гг.) // Денежное обращение и кредит. Т. I. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.). Пг., 1922. С. 11.
- ⁶⁶ Подсчитано по: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 14.
- ⁶⁷ Подсчитано по: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Т. VII. Вып. 2. М., 1922. С. 92.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С. 380–389.
- ⁷⁰ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 16. Несколько незначительно отличаются данные в: Лященко П.И. История русского народного хозяйства // Экономическая библиотека. М., 1927. С. 514.
- ⁷¹ Обухов Н.П. Экономический кризис в России в годы Первой мировой войны // Финансовый журнал. 2009. № 2. С. 161–172.
- ⁷² Международное финансовое положение царской России во время мировой войны (Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Госуд. думы, 20 июня 1916 г.) [Стенограмма доклада] // Красный архив. 1934. № 3 (64). С. 3–30; Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925. С. 9.
- ⁷³ Назарова И.А. Российские экономисты начала XX века об особенностях финансирования «военной экономики» в 1914–1917 годах // Деньги и кредит. 2015. № 1. С. 69.
- ⁷⁴ Государственный банк. Отчет за 1916 г. Пг., 1917. С. 11.
- ⁷⁵ Поткина И.В. Социально-экономическое регулирование в годы Первой мировой войны и революция // Вестник СПбГУ. История. СПб., 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 725.
- ⁷⁶ Каценеленбаум З.С. Очерки по теории и практике денежного обращения. Вып. I. Пг., М., 1922. С. 47; Лященко П.И. История русского народного хозяйства // Экономическая библиотека. М., 1927. С. 514.
- ⁷⁷ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 645.
- ⁷⁸ Литошенко Л. Союз Потребителей. 1924. № 4. С. 98; Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. М., 1924 г. 114 с [Рецензия].
- ⁷⁹ Лапидус И., Островитянов К. Политическая экономия. Ч. 1. М., 1934. С. 119.
- ⁸⁰ Соколов А.С. IV Государственная Дума и вопросы денежно-кредитной политики России // Первая мировая война и Государственная Дума: Материалы Международной научной конференции. Казань, 17–18 октября 2014 года. М., 2015. С. 189.
- ⁸¹ Финансовое положение России перед Октябрьской революцией // Красный архив. 1927. № 6 (25). С. 10.
- ⁸² Константинополь и проливы по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Т. I. 1925. С. 74; Т. II. М., 1926. С. 15; Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. М., Л., 1926. С. 156; Reynolds M.A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires. 1908–1918. Cambridge, 2011. P. 36–41.
- ⁸³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. I–II. Париж, 1933. Часть пятая. На посту Председателя Совета Министров. Октябрь 1911 г. Гл. IX [Электронный ресурс]. URL: <http://gummuseum.ru/portal/node/3114> (дата обращения: 01.07.2019).
- ⁸⁴ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 260.

- ⁸⁵ Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., Л., 1929. С. 67.
- ⁸⁶ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва. М., 1922. С. 3 (Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войны).
- ⁸⁷ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Т. 1. План Войны. Париж, 1936.
- ⁸⁸ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. I—II. Париж, 1933. Часть пятая. На посту Председателя Совета Министров. Октябрь 1911 г. Гл. V [Электронный ресурс]. URL: <http://rummuseum.ru/portal/node/3114> (дата обращения: 01.07.2019).
- ⁸⁹ Военная промышленность России в начале XX века. 1900—1917. Сборник документов. М., 2004. С. 589—592, 613—617, 625—626, 692—716, 717—732, 745—760, 761—773, 774—792; Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. С. 249, 289; Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). Т. II. М., 1949. С. 297—327. Снарядный голод ощутили в 1915 г. все воюющие страны, поэтому о деятельности военного министра В.А. Сухомлинова существуют разные мнения. Ср.: Курлов П.Г. Гибель Императорской России. Берлин, 1923. Гл. XX [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kurlov_pg/04.html (дата обращения: 01.07.2019); Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. Гл. 16 [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rediger/16.html> (дата обращения: 01.07.2019); Евдокимов А.В. Судебный процесс и итоги дела Сухомлинова при Временном правительстве [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/nooroiia/comp-hist-arch/index.html?id=4974> (дата обращения: 01.07.2019). О причастности финансового министерства к неготовности развертывания производства в военное время без обиняков свидетельствует на допросе бывший начальник Главного артиллерийского управления Д. Д. Кузмин-Караваев: «Невозможность удовлетворения острой нужды действующей армии явилась результатом запрещения денежных расходов на третий патронный завод и на четвертый пороховой, в постройке конх было отказано в 1906—1908 годах» (Военная промышленность России в начале XX века... С. 635—653). Действительно, Германия с ее военными расходами в сопоставимых единицах почти в два раза большими, чем в России, добилась заметно больших военно-технических успехов и понесла меньшие людские потери (Варга Е. Сколько стоила мировая война // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 250). О недостаточном финансовом обеспечении подготовки кадров свидетельствует бывший в 1914 г. командиром лейб-гвардии Гродненского гусарского полка военный ученый генерал-лейтенант Н. Н. Головин: «Даже учебные сборы запасных были сокращены из-за требований экономии, между тем как именно русские запасные нуждались более, чем запасные других западноевропейских государств, в повторительном обучении» (Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 53). Собственно, приговор военному министру В. А. Сухомлинову был приговором, который система вынесла сама себе за отсталость, бесхозяйственность, безалаберность, бесталанность; его просто избрали ритуальным виновником военных неудач, по сути, осудили за свою наивность, осудили за то, что мобилизационных запасов не хватило до конца войны. Ср.: Айрапетов О.Р. Снарядный голод [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histri.ru/articles/article/show/snariadnyi_golod (дата обращения: 01.07.2019).
- ⁹⁰ Военная промышленность России в начале XX века... С. 438—439.
- ⁹¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. Гл. 15 [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rediger/15.html> (дата обращения: 01.07.2019); Мисько О.Н. Иностранные инвестиции и «германское засилье» в экономике России начала XX столетия: причины, борьба и последствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2015. № 3. С. 87, 97.
- ⁹² Шпирт А. Роль стратегического сырья в войне 1914—1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1941. № 1. С. 12.
- ⁹³ Буров А. Техника в мировой войне // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 230.
- ⁹⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. С. 221.
- ⁹⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. Гл. 15 [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rediger/15.html> (дата обращения: 01.07.2019).
- ⁹⁶ Gourko V. Memories & Impressions of War and Revolution in Russia 1914—1917. London, 1918. P. 1; Gourko V. War And Revolution In Russia 1914—1917. New York, 1919. P. 1; Гурко В. Война и революция в России: Мемуары командующего Западным фронтом.

- 1914–1917 / [Пер. с англ. М. Г. Барышникова]. М., 2007. (Свидетели эпохи). [Электронный ресурс]. URL: https://bookz.ru/authors/vasilii-gurko/voina-i-_537/1-voina-i-_537.html (дата обращения: 01.07.2019). (Ср.: Варга Е. Экономические причины и следствия мировой войны // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 67–77; Тальгеймер А. Причины поражения Германии и мировой войне // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 102–118.)
- ⁹⁷ Подготовка первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 136.
- ⁹⁸ К вопросу о подготовке мировой войны (Из документов русской военно-политической разведки 1913–1914 гг.) // Красный архив. 1934. № 6 (25). С. 10.
- ⁹⁹ Лебедев Н.К. П. А. Кропоткин. М., 1925. С. 70. (Биографическая библиотека.)
- ¹⁰⁰ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 5.
- ¹⁰¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. Т. 1. 14 января — 13 марта 1914 г. М., Л., 1931. С. VIII–IX.
- ¹⁰² Шорич М., Мельник О. К 90-летию начала Первой мировой войны [Электронный ресурс] // «Deutsche Welle». [29.06.2004]. URL: <https://p.dw.com/p/5FUV> (дата обращения: 01.07.2019).
- ¹⁰³ Цит. по: Покровский М. Как русский империализм готовился к войне // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 96.
- ¹⁰⁴ Милорадович Г. Трехлинейки для Сербии: Как Россия пыталась перевооружить сербскую армию и к чему это привело // Родина. 2018. № 6 (618). С. 106–109; Москва — Србија, Београд — Русија = Москва — Сербия, Белград — Россия: Документа и материјали: Т. III. Друштвене и политичке везе. Белград, М., 2012. С. 477.
- ¹⁰⁵ Проанализировав ситуацию, П. В. Мультатули достаточно определенно написал: «Австро-венгерский наследник не поддержал агрессивные планы Вильгельма II, что, вполне вероятно, предопределило Сараевское убийство» (Мультатули П.В. Император Николай II. Мученик [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=609334&p=61> (дата обращения: 01.07.2019)). Автор дальше конкретизирует свою версию, к которой и сам поневоле готов прийти читатель. По версии автора, сторонник партии войны генерал от артиллерии Оскар Потниорек был участником заговора с целью покушения на Франца Фердинанда. Проблема заключается в том, что австро-венгерский наместник Боснии и Герцеговины находился в машине эрцгерцога. Террористы располагались в шести точках маршрута и были вооружены килограммовыми оборонительными ручными гранатами (кроме пистолетов). При взрыве мощной чугунной гранаты в открытом кузове машины непременно пострадал бы и фельдцейхмейстер Оскар Потниорек. В сторону сербов должен был указывать выбор дня покушения — в годовщину битвы на Коссовом поле в 1448 г. В австрийской ноте от 22 июня 1917 г. прямо говорится, что следствием был сделан вывод об использовании террористами сербских армейских ручных гранат («Die Bomben sind Handgranaten, die dem Waffendepot der serbischen Armees in Kragujevac entstammen» — «Бомбы представляют собой ручные гранаты, которые происходят из оружейного склада сербской армии в Крагуеваце»). В материалах боснийско-герцеговинского окружного суда в Сараево также называется склад («Granaten aus den Vorräten des Kragujevacer Armeedepots» — «гранаты из запасов склада в Крагуеваце») (Die Österreichisch-Ungarischen Dokumente zum Kriegsausbruch. Herausgegeben vom Staatsamt für Äußeres in Wien. Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. T.1. 28. Juni bis 23. Juli 1914. Wien, 1923. S. 60, 81). Две маленькие лексические уловки превратили изъятые гранаты в мощное доказательство: использованные существительные Waffendepot, Waffenlager и Armeedepots не являются точными синонимами слова Arsenal, первые три обозначают склад, а последнее — еще и производство. Точно так же использованный глагол entstammen (соответствует английскому come from) лукаво не указывает однозначно на производство, в отличие от одновариантных по значению produziert или gemacht werden, оставляя возможность понимать и как поступление со склада. На самом деле в Крагуеваце на предприятии военной индустрии «Кнежев арсенал» производились гранаты M1904 и M1912 (в обиходе — «крагуевачки»), место производства изъятых гранат легко устанавливается по характерному корпусу в форме параллелепипеда. В 1914 г. на складах арсенала могла быть только модификация с 5-секундным замедлителем, образец 1904 г., скорее всего, использованный террористами, имел 10-секундный замедлитель. В любом случае нет доказательств, что

- гранаты поступили террористам из какого-либо армейского склада. Различными авторами приводятся свидетельства, что о готовящемся покушении знали в Сербии, Австро-Венгрии и России. Последнее обстоятельство позволяет продуцировать любое количество гипотез в зависимости от соединения элементов и цели автора. Другими словами, в данном виде вопрос приобрел все черты неверифицируемого предположения, соответственно, мягко говоря, встала проблема демаркации. Впрочем, к этому выводу пришел еще М. А. Алданов в опубликованном в 1939 г. в парижской газете «Последние новости» очерке «Сараевское убийство». Сербское следствие 1917 г. в Салониках по делу подпольной националистической организации «Черная рука» признало причастность к подготовке покушения приговоренного к смертной казни начальника разведывательного отдела сербского Генерального штаба и лидера «Черной руки» полковника Драгутина Димитриевича. Однако современные исследователи нашли свидетельства неучастия руководства «офицерской задруги» в сараевских событиях (Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 36–37, 114). Определено известно, что обязательную по уставу организации процедуру коллегиального утверждения смертного приговора военным руководством организации акция в Сараево не проходила. Совершенно точно лишь то, что происшествие в Сараево послужило *casus belli* для начала войны. (Ср., например: Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. М.–Л., 1926. С. 221–237; Did Germany Incite Austria in 1914? // *Current history*. 1928. July. P. 619–640; Стариков Н. 1917. Разгадка «русской» революции. М., 2012; Макаров И.О. Выстрелы в Сараево: Кто начал большую войну? М., 2014; Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014. С. 46–65. BBC News Русская служба: Кто развязал Первую мировую войну: 10 версий [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/02/140213_wwi_start_10_versions (дата обращения: 01.04.2019). Настораживает связь российской контрразведки с радикальной «Черной рукой», члены которой причастны к покушению в Сараево (Писарев Ю.Д. Российская контрразведка и тайная сербская организация «Черная рука» // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 187–192). Не всегда историку помогают мемуары и официальные документы, например, так называемые «Цветные книги» с национальными публикациями документов о начале войны издавались с целью возложить ответственность за войну на своего противника, «мировая война документами» началась одновременно с Первой мировой и продолжается до сих пор (См.: Ерусалимский А. Документы о подготовке мировой войны 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 1. С. 52–62; Искендеров П.А. Балканские корни Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. М., 2015. С. 280–282). Даже хранимые в Венском музее вещественные доказательства покушения оказались не в порядке (См.: Богданович Б. Оружие сараевских атентатора // Андрићев Институт. Историјске свеске. 2014. № 6. С. 11–20). Подталкивает к раздумьям ввиду очевидных параллелей покушение хорватским «Усташа», организованное германским абвером и успешно исполненное македонцем Владо Черноземским (Величко Георгиевым) на югославского короля Александра I Карагеоргиевича и министра иностранных дел Французской республики Луи Барту в Марселе 9 октября 1934 г. (Мун Д.В., Попета В.В., Смолков П.Е. Террор и мы: почему существует терроризм и зачем идут в террористы. М., Берлин, 2018. С. 102–103).
- ¹⁰⁶ Мультагули П.В. Император Николай II. Мученик... Правда, тезис об искренних письмах Николая II и лживых — Вильгельма II не выдерживает критики. Крупный советский историк М. И. Покровский без малого столетие тому назад продемонстрировал, какие лицемерные «миролюбивые» письма писал российский император германскому кайзеру еще в ноябре 1902 г., разрабатывая в это время детали будущих военных операций против Германии (Покровский М. Как русский империализм готовился к войне // Десятилетие мировой войны. М., 1925. С. 99). Ср.: Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Т. 2. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 1–25; Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3. М., 1994. Гл. XV. Мировая война. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/15.html> (дата обращения: 01.09.2019).
- ¹⁰⁷ Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 5. М., 1911. С. 309–310; Покровский М. Восточный вопрос (от Парижского мира до Берлинского конгресса) // Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сборник статей. М., 1923. С. 255–256, 297–301.

- ¹⁰⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, Берлин, 1927. Гл. I. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32114> (дата обращения: 01.09.2019).
- ¹⁰⁹ Там же. Гл. VIII.
- ¹¹⁰ К вопросу о подготовке мировой войны (Из документов русской военно-политической разведки 1913–1914 гг.) // Красный архив. 1934. № 3 (64). С. 111.
- ¹¹¹ Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. С. 226.
- ¹¹² Орлик С. Розмінні марки та казначейські знаки в грошовому обігу в Україні в період Першої світової війни // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць до 80-річчя доктора історичних наук, професора, заслуженого діяча науки і техніки України, лауреата Державної премії України в галузі науки і техніки Марії Федорівни Дмитрієнко. Ч. 26–27. Київ, 2015. С. 144–145.
- ¹¹³ Такую же ошибку допустил и крупный советский экономист Л. Н. Юровский. См.: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 27.
- ¹¹⁴ Соловьев В.Ю. Почтовые марки России и СССР (1857–1919 гг.): Специализированный каталог (Россия, Земство...). Т. 1. М., 2006. С. 24.
- ¹¹⁵ Рябченко П.Ф., Бутко В.И. Полный каталог бумажных дензнаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–2000 гг.). Т. 1. Боны России. Киев, 2000. С. 39–40.
- ¹¹⁶ Наше денежное обращение: Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 годах / Под ред. Л. Н. Юровского. М., 1926. С. 81–84.
- ¹¹⁷ Дементьев Г.Д. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917. С. 17, 22.
- ¹¹⁸ Сообщение к.и.н. С. В. Зверева на научном собрании Союза бонистов. 27 сентября 2015 г. Центральный дом художника, Москва, выставка «Старая бумага» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WztCY5xXzY0> (дата обращения: 01.09.2019).
- ¹¹⁹ Орлик С., Бойко-Гагарін А. Фальшивомонетництво в Україні в роки Першої світової війни // Український нумізматичний щорічник : часопис. Переяслав-Хмельницький. 2017. Вип. 1. С. 146–149; Драздовіч Я. Дзённік // Драздовіч Я. Праз черні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнні, мастацкія твory. Мінск, 2014. С. 540–541.
- ¹²⁰ Филипов К. История денег — почтовых марок Первой мировой войны // Банкаўскі веснік. 2008. № 7 (408). С. 80–83.
- ¹²¹ См.: Дементьев Г.Д. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. С. 51–53; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 26.
- ¹²² После неприятельского нашествия. II. Сувалки // В немецком плену: рассказы. М., 1915. С. 149.
- ¹²³ Григорьев С. Два месяца в германском плену: (впечатления, наблюдения, выводы). Одесса, 1914. С. 8.
- ¹²⁴ Гоштовт Г.А. Дневник кавалерийского офицера. Париж, [1931]. С. 96.
- ¹²⁵ Grimalauskaitė D., Remecas E. Pinigai Lietuvoje. Vilnius, 2016. P. 39.
- ¹²⁶ Kvizikevičius L., Sarcevičius S. Vilniaus Gedimino prospekto pinigų lobis (1919/2004), Numizmatika 7–8, Metraštis 2006–2007, Vilnius, 2008. P. 45–52; Kvizikevičius L., Sarcevičius S. Pinigų cirkuliacijos Lietuvoje bruožai 1915–1919 m. // Istorija: Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. T. 68. Vilnius, 2007. P. 30–42.
- ¹²⁷ Пилипенко М.Ф., Рябцевич В.Н. Методические указания по проведению экскурсий в залах нумизматики и этнографии исторического музея БГУ им. Ленина для студентов специальности № 2008, проходящих музейную практику. Минск, 1981. С. 10.
- ¹²⁸ Kopiccki E. Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z Polską związanych. Część 2 (poz. 7059–12337). Teksty. Warszawa, 1995. S. 406 (№ 9317–9322, 9304–9316); Ibid. Tablice. Warszawa, 1995. S. 162–163 (№ 9317–9322); 162 (№ 9304–9316).
- ¹²⁹ Моисеенко Н.С. О чеканке на Петроградском монетном дворе в 1916–1918 годах // Нумизматика. 2015. № 2 (38). С. 115–119.
- ¹³⁰ Уздеников В.В. Монеты России 1700–1917. М., 2004. С. 108 (№ 2225–2226).
- ¹³¹ Биткин В. Сводный каталог монет императорской России регулярного чекана. Киев, 2000. С. 618 (№ 382, 387–389, 401–403), 619 (№ 418–421), 620 (№ 435–438, 455–457).
- ¹³² Виноградов А.Г. Население стран мира с древнейших времен по настоящее время: Демография. Статистические таблицы. Часть I. = The population of the countries of the world

- from most ancient times to the present day: Demography. The statistical tables. Part 1 / eBook (PDF), 2014. ISBN 9781312040731. С. 377–379, 381.
- ¹³³ Смирнов М.И. Со знаком «С.П.Б»... Очерки истории Санкт-Петербургского монетного двора 1724–1994. Тольятти, 1994. С. 110.
- ¹³⁴ Спасский И.Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914–1917 гг. // Нумизматика и сфрагистика. Т.3. Киев, 1968. С. 145.
- ¹³⁵ Моисеенко Н.С. О чеканке на Петроградском монетном дворе в 1916–1918 годах. С. 115–119.
- ¹³⁶ Спасский И.Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914–1917 гг. С. 146.
- ¹³⁷ Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 202.
- ¹³⁸ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981. С. 218.
- ¹³⁹ Арапов А. Российский хлопковый проект в Туркестане. Начало XX века / Из неопубликованной рукописи «Революция в центре Азии» [Электронный ресурс] // «Память о будущем». 09.03.2011. URL: <http://memoryoffuture.blogspot.com/2011/03/xx.html> (дата обращения: 01.09.2019).
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Бугров А.В. Деньги Великой войны: российский опыт (1915–1917) // Деньги и кредит. 2017. № 7. С. 79.
- ¹⁴² Шмелев К.Ф. Денежное обращение России в годы войны и революции (1914–1921 гг.). С. 21.
- ¹⁴³ Annual Report of the Director of the Mint. Washington, 1915. P. 161.
- ¹⁴⁴ Ibid. P. 201–202.
- ¹⁴⁵ Моисеенко Н.С. Чеканка иностранной монеты на Ленинградском монетном дворе в 1921–1961 гг. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета (Современные вопросы источниковедения и историографии истории России). Вып. 17. СПб., 2014. С. 351–352, 354; Моисеенко Н.С. О чеканке на Петроградском монетном дворе в 1916–1918 годах // Нумизматика. 2015. № 2 (38). С. 119.
- ¹⁴⁶ Подчитано по: Спасский И.Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914–1917 гг. С. 148.
- ¹⁴⁷ Информация Санкт-Петербургского исследователя Моисеенко Н.С. от 14.09.2017 г. Ср.: Тайны монет 1917 года — цена, фотографии, копии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garitetus.ru/texts/monety-1917-goda/> (дата обращения: 01.09.2019).
- ¹⁴⁸ Моисеенко Н.С. О чеканке на Петроградском монетном дворе в 1916–1918 годах. С. 119.
- ¹⁴⁹ Annual Report of the Director of the Mint. Washington, 1915. P. 161; Annual Report of the Director of the Mint. Washington, 1917. P. 201–202.
- ¹⁵⁰ Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь: петроградское издание: общественно-литературная социал-демократическая газета. № 56 (271). 18 (31) марта 1918 г. С. 1; Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М., 1990. С. 134.
- ¹⁵¹ Пилецкий Я. Безденежье // Новая жизнь: петроградское издание: общественно-литературная социал-демократическая газета. № 56 (271), 18 (31) марта 1918 г. С. 2.
- ¹⁵² Драздовіч Я. Дзёнінкі: На пазахатнім свеце. Успаміны з вайсковага жыцця // Драздовіч Я. Праз цёрні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнні, мастацкія творы. Мінск, 2014. С. 518.
- ¹⁵³ Смирнов М.И. Со знаком «С.П.Б»... С. 112–114.
- ¹⁵⁴ Моисеенко Н.С. О чеканке на Петроградском монетном дворе в 1916–1918 годах. С. 119.
- ¹⁵⁵ Исмаилова А.М. Горнодобывающая промышленность Северного Азербайджана и экономика Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Южный Кавказ в составе Российской империи в XIX — начале XX в. (особенности экономических взаимоотношений). М., Берлин, 2014. С. 171.
- ¹⁵⁶ Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 156.
- ¹⁵⁷ Федин С.А., Тимофеева Е.Г. Содержание и охрана военнопленных: опыт мировых войн (на материалах Астраханского региона) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (101). С. 188.
- ¹⁵⁸ Тюрин А.О. Охрана и надзор за военнопленными в Астраханском крае в годы мировых войн // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 186.

- ¹⁵⁹ Синчук И.И. Клады Беларуси: законодательство и практика. Минск, 2003. С. 26.
- ¹⁶⁰ Колобова И. Секрет Черневичского клада (Нумизматика) // Банкаўскі веснік. Мінск, 2005. № 1 (294). С. 55–57; Колобова // Pieniądz i wojna : Białoruś-Litwa-Łotwa-Polska-Słowacja-Ukraina: materiały z VI Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Supraśl, 9–11 IX 2004 / Polskie Towarzystwo Numizmatyczne, Zarząd Główny, Wyższa Szkoła Ekonomiczna w Białymstoku. Warszawa, [2004]. S. 195–198.
- ¹⁶¹ Münzgesetz. Vom 9. Juli 1873 (Nr. 953.) [Электронный ресурс] // Deutsches Reichsgesetzblatt. Band 1873. № 22. S. 233–240. URL: https://de.wikisource.org/wiki/M%C3%BCnzgesetz#Artikel_3 (дата обращения: 01.07.2019).
- ¹⁶² Богданович М. Нумизматы (Маленькие фельетоны) // Голос Ярославская газета]. 23 марта 1916 г.
- ¹⁶³ Синчук И.И. Клады Беларуси: законодательство и практика. С. 28–29.
- ¹⁶⁴ Синчук И.И. Российские золотые монеты в денежном обращении восточных земель Польской республики 1920–1930-х гг. // Нумизматический альманах. 2004. № 2. С. 13–15.
- ¹⁶⁵ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 99–113; Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб., 2003; Бахурин Ю.А. Вынужденные переселения из западных окраин России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.): проблемы терминологии и причин // Великая и забытая: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград, Гусев, 2013. С. 82–93.
- ¹⁶⁶ Спасский И.Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914–1917 гг. С. 146.
- ¹⁶⁷ Международное финансовое положение царской России во время мировой войны (Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Госуд. думы, 20 июня 1916 г.) [Стенограмма доклада] // Красный архив.1934. №. 3 (64). С. 9.
- ¹⁶⁸ См.: Каценеленбаум З.С. Очерки по теории и практике денежного обращения. Вып. I. С. 26.
- ¹⁶⁹ Юровский Л.Н. После грозы [16 сентября (29 сентября) 1917 г.] // Юровский Л.Н. Впечатления. Статьи 1916–1918 годов. М., 2010. С. 77; Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С. 58–61, 150–158.
- ¹⁷⁰ Лященко П.И. Экономические причины и условия современной войны. Томск, 1915. С. 20.
- ¹⁷¹ Блюх И.С. Будущая война и ее экономические последствия. Т. I–VI [+том картограмм]. СПб., 1898.
- ¹⁷² Котомкин А. О Чехословацких легионах в Сибири: 1918–1920. Воспоминания и документы. Париж, 1930. С. 130.
- ¹⁷³ Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы (Борьба с большевиками 1918–1920 гг.). М., 2008. С. 264.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 283.
- ¹⁷⁵ Охрана общественной безопасности и революционного порядка // Красная Москва. 1917–1920 гг. / Ред. Л. Б. Каменев. М., 1920. Стлб. 631–632.
- ¹⁷⁶ Официальное соотношение 1 пуд = 40 фунтов = 3840 золотников = 368 640 долей = 16,3804964 кг; $29 * 16,3804964 + 21 * 16,3804964 / 40 + 23 * 16,3804964 / 2840 + 53 * 16,3804964 / 368640 = 483,76917$ кг, т.е. 29,533242 пуда, или в медной монете по номиналу 1476,6621 руб.
- ¹⁷⁷ Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). Берлин, 1930. С. 109–110.
- ¹⁷⁸ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 35–36, 39.
- ¹⁷⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.: Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 725–726.
- ¹⁸⁰ «Летом 1915 г. в России начал ощущаться острый недостаток разменной, серебряной, а также золотой монеты (к концу 1915 г. 10-рублевые монеты продавались за 16–17 бумажных рублей, т.е. лаж на золото составил 60–70%). ...С начала 1916 г. денежная масса в обращении состояла практически полностью из бумажных денежных знаков, количество которых быстро возрастало» (Малышев А.И., Таранков В.И., Смиранный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 75). Я вполне осознаю, что написанное мной может выглядеть как реальность денежного обращения Российской империи параллельной вселенной. Что есть, то есть. Думаю, все дело в верификации источников. Или парадигме. Или в оптике.
- ¹⁸¹ Солдатов Л.К. Революция ценности золота на мировом рынке и в России. М., 1924. С. 16.
- ¹⁸² Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 81–82.
- ¹⁸³ Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск, 2004. С. 44.
- ¹⁸⁴ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 26, 36.